

Габриэль
Гарсиа Маркес

Нобелевская
премия

Хроника
объявленной смерти

[повесть]

Annotation

Первое художественное произведение Гарсиа Маркеса, вышедшее после «Осени патриарха», когда автор наконец-то нарушил свой «анти-пиночетовский» обет молчания.

Книга, которая легла в основу великолепного одноименного фильма с Рупертом Эвереттом в главной роли.

Судьба, которой нельзя избежать.

Рок, который довлеет над человеческой жизнью.

Убийство, которое не должно было случиться, но случилось.

Маленький городок становится подмостками большой трагедии.

Человек обречен на смерть — и все вокруг знают, что ему предстоит умереть.

Никто не хочет этой смерти — и, прежде всего, сами будущие убийцы. Они делают все, чтобы их остановили. Но ход событий уже не повернуть вспять.

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

Габриэль Гарсиа Маркес

Хроника объявленной смерти

Любви надменностью достигнуть можно.

Жил Висенти^{[\[1\]](#)}

В день, когда его убили, Сантьяго Насар встал в 5.30 утра, чтобы встретить корабль, на котором прибывал епископ. Ему приснилось, что он шел сквозь рощу фиговых деревьев под моросившим мягким дождем, и какое-то мгновение во сне он был счастлив, однако, проснувшись, не мог избавиться от ощущения, будто его обгадили птицы. «Зачастую он видел во сне деревья», — сказала мне его мать Пласида Линеро, вспоминая 27 лет спустя подробности того страшного понедельника. «За неделю до того ему снилось, будто он летал — один — в самолете из фольги среди деревьев миндаля, не задевая за стволы», — говорила она. Пласида Линеро пользовалась вполне заслуженной репутацией блестящей толковательницы чужих снов, если рассказывали ей их натошак, но и она не заметила чего-либо угрожающего ни в этих двух, ни в других сновидениях своего сына о деревьях, про которые он сообщал ей по утрам в дни, предшествовавшие его смерти.

Да и сам Сантьяго Насар не уловил предзнаменования. Спал он мало и плохо, не снимая одежды, проснулся с головной болью, а во рту — будто кошки ночевали, и все это он воспринял как естественное следствие свадебной попойки, затянувшейся далеко за полночь. Те многочисленные люди, которых он встретил с момента выхода из дома в 6.05 утра и до того, как был заколот, словно свинья, часом позже, — все они вспоминают, что хоть и выглядел он несколько заспанным, но был в хорошем настроении и еще каждому мимоходом замечал, что день наступает прекрасный. Никто из них не мог с уверенностью сказать, относилось ли это замечание к погоде. Одни сходились во мнении, что было солнечно и с моря через банановые заросли долетал легкий ветерок, как и следовало быть в погожий февральский денек. Большинство же, наоборот, утверждало, что погода была мерзкой, небо — нависшим и сумрачным, в воздухе стоял тяжелый запах загнившей воды, а в момент несчастья пошел мелкий дождь вроде того, что Сантьяго Насар видел в чащобе сна.

Я приходил в себя после той же свадебной попойки, пребывая в объятиях благословеннейшей Марии Алехандрины Сервантес. Проснувшись от внезапных ударов колокола, я решил, что трезвон этот устроен в честь епископа.

Сантьяго Насар надел брюки и рубашку из белого полотна — обе вещи не были накрахмалены, — такие же, что были на нем накануне, на свадьбе. То была его праздничная одежда. Если бы не приезд епископа, он надел бы рубаху и брюки цвета хаки и натянул сапоги для верховой езды — в таком виде он отправлялся по понедельникам в свою асьенду «Божественный лик», которую вместе со скотом унаследовал от отца и которой управлял весьма разумно, хотя и без большой для себя пользы.

В горы он отправлялся с «магнумом-357» за поясом, очередь его утяжеленных пуль, как утверждал Сантьяго Насар, могла рассечь лошадь надвое. В сезон охоты на куропаток он возил с собой еще и снаряжение для соколиной охоты. В его шкафу, кроме того, хранились винтовки «малинхер-шёнауэр-30.06», «холланд-магнум-300», «хорнет-22» с двойным оптическим прицелом и многозарядный «винчестер». Он всегда спал так, как спал его отец: с пистолетом в наволочке подушки; перед выходом из дома в тот день он вынул магазин и положил пистолет в ящик ночного столика. «Он никогда не оставлял оружие заряженным», — сказала мне его мать. Я знал об этом и знал еще, что он хранил оружие в одном месте, а патроны держал в другом — и очень отдаленном, с тем чтобы никто, пусть даже случайно, не смог бы поддасться искушению зарядить оружие в доме. Это разумное правило было введено его отцом, после того как однажды утром служанка, убирая постель, тряхнула подушкой и пистолет, ударившись об пол, выстрелил; пуля расщепила шкаф в комнате, пробила стену гостиной, с пронзительным свистом пронеслась через столовую соседнего дома и превратила в пыль гипсовую статую святого в человеческий рост, украшавшую главный алтарь церкви на противоположной стороне площади. Сантьяго Насар в то время был еще совсем ребенком, но не забыл урока.

Последнее воспоминание о нем, сохранившееся у матери, связано с моментом, когда он поспешно прошел через ее спальню. Он нечаянно разбудил мать, пытаясь нащупать таблетку аспирина в аптечке, находившейся в ванной комнате; она зажгла свет и увидела сына в проеме двери со стаканом воды в руке — таким она и запомнила его навсегда. Именно в тот момент Сантьяго Насар и рассказал ей свой сон, но она не обратила внимания на слова о деревьях.

— Все сны о птицах — к доброму здоровью, — сказала она мне.

Она видела его, лежа в том же гамаке и в той же позе, в какой я нашел ее в старости, на закате ее последних дней, вновь вернувшись в это забытое селение в попытке восстановить из разрозненных осколков разбитое зеркало памяти. Пласида Линеро едва различала — и то при сильном освещении — фигуры людей, к вискам ее были привязаны листья целебных растений от беспрестанной головной боли, оставшейся от последней встречи с сыном, когда он прошел через ее спальню. Женщина лежала на боку, ухватившись за веревки в изголовье гамака, она пыталась приподняться; в полусумраке комнаты стоял запах застоявшейся воды в крестильной купели, который так поразил меня в то утро, когда свершилось преступление.

Лишь появился я в проеме двери, как она вспомнила Сантьяго Насара. «Там он и стоял, — сказала она мне. — На нем был костюм из белого полотна, просто выстиранный, без крахмала, — его нежная кожа не переносила крахмала». Она долго сидела в гамаке, пережевывая зернышки кардамона, пока ощущение, что сын вернулся, не покинуло ее. Тогда она вздохнула: «Он был единственной опорой в моей жизни».

Я представил себе, каким он остался в ее памяти. Ему исполнился 21 год в последнюю неделю января, он был строен и бледен, арабского типа разрез глаз и вьющиеся волосы передались от отца. Сантьяго Насар был единственным сыном от брака, заключенного по расчету, супругам не выпало ни одного счастливого мгновения, но сам он, казалось, был вполне счастлив, имея такого отца, пока тот не скончался скоропостижно три года назад; сын казался счастливым и с оставшейся в одиночестве матерью, так было до понедельника — дня его смерти. От матери он унаследовал дар предчувствия. У отца же еще в раннем детстве обучился владению огнестрельным оружием, любви к лошадям и натаскиванию ловчих птиц, от него же воспринял полезное искусство быть отважным и осторожным. Между собой отец и сын говорили по-арабски, однако в присутствии Пласиды Линеро избегали этого, чтобы она не чувствовала себя исключенной из беседы. В селении их никогда не видели с оружием, своих натасканных птиц они привезли сюда лишь однажды, чтобы показать на благотворительной ярмарке искусство соколиной охоты. Смерть отца вынудила Сантьяго Насара бросить учение после окончания средней школы и заняться делами принадлежащей семье асьенды. Что же касается его личных качеств, то был он человеком с открытым сердцем, веселым и доброжелательным.

В день, когда его убили, мать, увидев сына во всем белом, решила, что он ошибся днем недели. «Я напонила ему, что был понедельник», —

сказала она мне. Но он пояснил, что парадное платье надел на случай, если представится возможность приложиться к перстню на руке епископа. Однако это ее не тронуло.

— Он и с корабля-то не сойдет, — сказала она сыну. — Как всегда, по обязанности благословит всех и уедет туда, откуда приехал. Ненавидит он наш городок.

Сантьяго Насар знал, что это правда, но торжественность церковных ритуалов неудержимо влекла его. «Как в кино», — сказал он мне однажды. А вот мать в связи с приездом епископа заботило лишь одно — как бы сын не промок под дождем: ей послышалось — он чихал во сне. Она посоветовала ему взять зонт, но он махнул рукой на прощание и вышел из комнаты. Видела она его в последний раз.

Кухарка Виктория Гусман утверждала, что ни в тот день, ни в течение всего февраля дождей не было. «Наоборот, — сказала она мне, когда я посетил Викторию незадолго до ее кончины. — Солнце начинало жарить намного раньше, чем в августе». В окружении нетерпеливых собак она рубила на куски туши трех кроликов для обеда, когда в кухню заглянул Сантьяго Насар. «Утром по физиономии можно было определить, как прошла его ночь», — вспоминала Виктория Гусман, не скрывая своей неприязни. Ее дочь, Дивина Флор — Божественный Цветок, едва начинающий распускаться, — подала Сантьяго Насару большую чашку кофе без сахара, влив в нее рома — так бывало каждый понедельник, — чтобы помочь ему побороть тяготы прошедшей ночи. В очаге просторной кухни шипело пламя, на высоких насестах еще спали куры; здесь жизнь шла своим чередом. Сантьяго Насар разжевал еще одну таблетку аспирина и стал потягивать медленными глотками кофе, не спеша размышляя и не отводя взгляда от обеих женщин, потрошивших у плиты кроликов. Виктория Гусман, несмотря на возраст, прекрасно сохранилась. Девочка же, еще немного диковатая, уже задыхалась, похоже, от порывов плоти. Сантьяго Насар схватил ее за руку, когда она подошла, чтобы взять у него пустую чашку.

— Пришло время взнудать тебя, — сказал он ей.

Виктория Гусман показала ему окровавленный нож.

— Пусти ее, прохвост, — приказала она, накупившись. — Пока я жива, из этого родника тебе не пить.

Ибрагим Насар соблазнил Викторию Гусман в ее самые юные годы. В течение нескольких лет он тайно встречался с ней в конюшнях асьенды, а потом, когда любовь кончилась, перевел ее служить при доме. Дивина Флор, ее дочь от недавнего сожителя, знала, что ей уготованы ночи в

постели Сантьяго Насара, и эта мысль порождала в ней преждевременные желания. «Такого мужчины, как он, не рождалось более на свете», — сказала она мне, толстая и грустная, окруженная детьми — плодами многих любовных встреч. «Он был во всем вылитый отец, — возразила ей Виктория Гусман. — Такое же дерьмо». Она не смогла скрыть дрожи, вспомнив ужас Сантьяго Насара, когда она одним махом вырвала внутренности у кролика и швырнула собакам дымящийся клубок кишок.

— Не будь зверем, — сказал он ей. — Представь: если б это был человек?!

Виктории Гусман понадобилось почти 20 лет, чтобы понять, почему человек, привыкший убивать беззащитных животных, так неожиданно взволновался. «Боже! — воскликнула она в испуге. — Неужели это было знамение!» Однако в то утро, когда свершилось преступление, кухарку настолько обуяла накопившаяся ярость, что она продолжала бросать собакам потроха других кроликов лишь для того, чтобы отравить завтрак Сантьяго Насару. Таково было положение дел, когда весь городок проснулся от оглушительного рева гудков парохода, на котором прибыл епископ.

Дом — в прошлом тут был склад — имел два этажа, стены его обиты грубо отесанными досками, двускатная крыша покрыта цинком, на коньке постоянно дежурили стервятники в ожидании отбросов, скапливавшихся в порту. Здание было построено в те времена, когда река была еще настолько судоходной, что морские баркасы и даже настоящие корабли рисковали подниматься до городка, преодолев болотистое устье. По окончании очередной гражданской войны сюда прибыл с последней группой арабов Ибрагим Насар, тогда корабли с моря уже не заходили в порт — река изменила русло, — и склады оказались ненужными. Ибрагим Насар купил строение за ничтожную цену, намереваясь оборудовать в нем лавку для продажи импортных товаров, однако так никогда и не открыл ее. А собравшись жениться, он превратил склад в жилой дом. В нижнем этаже была отстроена гостиная на все случаи жизни, за домом соорудили конюшню на четыре лошади и подсобные помещения для прислуги, а также кухню с окнами в сторону порта, откуда постоянно доносился запах стоячей воды. Единственно, чего он не тронул в доме, так это винтовую лестницу, спасенную, очевидно, с какого-то потерпевшего крушение корабля. На втором этаже, где прежде находилась контора таможни, Ибрагим Насар устроил две спальни и пять комнатушек-кают для многочисленных детей, которых предполагал иметь, кроме того, воздвиг деревянный балкон, нависавший над миндалевыми деревьями, что росли на

площади, здесь Пласида Линеро просиживала мартовские вечера, надеясь облегчить свое одиночество. С фасадной стороны сохранилась парадная дверь, в которой он проделал два высоких окна, украсив их деревянной резьбой. В сохранности оставил он и задний подъезд, лишь приподняв притолоку двери, чтобы смог проезжать всадник; находил применение Ибрагим Насар и части старого причала. Вообще-то задняя дверь использовалась намного чаще, и не только потому, что через нее можно было попасть в стойла или на кухню, но и потому, что она выходила на улицу, ведущую к новому порту, — не надо было пересекать площадь. Парадная же дверь, за исключением праздников, постоянно была закрыта на засов. И тем не менее именно здесь, а не у задней двери ожидали Сантьяго Насара те, кто собирался его убить, и как раз через парадную дверь он вышел, отправившись на встречу епископа, хотя ему пришлось обогнуть весь дом, чтобы пройти к порту.

Никто не мог взять в толк столько мрачных совпадений. Следовательно, прибывший из Риоачи, видимо, что-то почувствовал, пусть и не решался принять их во внимание, но его стремление дать этим совпадениям рациональное толкование явствовало из его протоколов. Несколько раз при упоминании двери, выходящей на площадь, следователь называл ее как в детективном рассказе: «роковая дверь». На самом же деле единственным достойным внимания объяснением можно считать слова Пласиды Линеро, ответившей на вопрос юриста истинно материнским доводом: «Мой сын никогда не выходил через заднюю дверь, если был празднично одет». Эта аргументация была настолько незамысловата, что следователь отметил ее особо на полях, но в дело не занес.

Виктория Гусман со своей стороны была сугубо категоричной в ответе, заявив, что ни она, ни ее дочь не знали, что Сантьяго Насара кто-то поджидает, чтобы убить. Однако с годами она признала, что им обоим все уже было известно до того, как он вошел в кухню пить кофе. Обо всем им сообщила нищенка, зашедшая в дом после пяти утра попросить немного молока, она же открыла им повод и место, где его поджидали. «Я не предупредила его, поскольку сочла, что это пьяная болтовня», — сказала мне Виктория Гусман. Но Дивина Флор в мой последующий — уже после смерти матери — визит к ней признала: мать ничего не сказала Сантьяго Насару потому, что в глубине души желала, чтобы его убили. Сама же Дивина Флор была еще девочкой, да к тому же испугалась и принять самостоятельного решения не могла; она еще больше испугалась, когда он схватил ее за кисть и она ощутила, что рука его — ледяная и каменная, как у мертвеца.

В предрассветном сумраке Сантьяго Насар широкими шагами прошел через дом, преследуемый радостным ревом гудка епископского судна. Дивина Флор забежала вперед открыть ему дверь; пытаясь ускользнуть от него, она двигалась между клетками спящих в столовой птиц, среди плетеной мебели и папоротников, свисающих из подвешенных к потолку горшков, но, когда отбрасывала засов, не смогла избежать когтей ястреба. «Он мял меня, как лепешку, — сказала мне Дивина Флор. — Он часто тискал меня, встретив одну где-нибудь в укромном углу; но в тот день мне не было, как всегда, страшно, просто до ужаса захотелось плакать». Она отодвинулась, пропуская его, и через приоткрытую дверь увидела на площади миндалевые деревья в предрассветной заре, будто покрытые снегом, но у нее не хватило мужества разглядеть еще что-либо. «В тот момент прекратился рев паровых гудков и запели петухи, — продолжала она. — Крик их был настолько оглушительным, даже трудно было поверить, что петухов в городке оказалось такое множество, сперва я подумала, что их привезли вместе с епископом». Единственное, что она могла сделать для мужчины, принадлежать которому ей было не суждено, — это, вопреки приказаниям Пласиды Линеро, оставить засов на двери открытым, чтобы в случае надобности он смог бы скорее вернуться в свой дом. Кто-то, чью личность так и не установили, подсунул под дверь конверт с запиской, в которой предупреждал Сантьяго Насара, что его ждут, чтобы убить, и, кроме того, сообщал место расправы, мотивы, равно как и другие весьма точные подробности. Послание это лежало на полу, когда Сантьяго Насар выходил из дома, но он его не видел; не видела конверт и Дивина Флор, и вообще никто этой записки не видел, и обнаружили ее много времени спустя после того, как было совершено преступление.

Пробило шесть, но фонари на улицах все еще горели. На ветвях миндалевых деревьев и на некоторых балконах все еще раскачивались разноцветные бумажные гирлянды, подготовленные к свадьбе, и можно было подумать, что их только что развесили в честь епископа. Площадь, вымощенная брусчаткой до церковной паперти, около которой были сооружены подмости для музыкантов, походила скорее на свалку пустых бутылок и всякого рода мусора после народного гулянья. Несколько человек, подгоняемые гудками парохода, бежали в сторону порта, когда Сантьяго Насар вышел из дома.

Единственным открытым заведением на площади была молочная лавка неподалеку от церкви, там и находились двое, поджидавшие Сантьяго Насара, чтобы убить его. Хозяйка молочной — Клотильде Армента — была первой, кто увидел его в сиянии зари, и ей представилось,

что он отсвечивал алюминием. «Он уже казался привидением», — сказала она мне. Те, кто собирался его убить, спали на лавках, прижимая к себе ножи, завернутые в газеты, и Клотильде Арменте пришлось сдерживать дыхание, чтобы не разбудить их.

Это были близнецы Педро и Пабло Викарио. Исполнилось им по 24 года, и столь похожи они были меж собой, что их трудно было различить. «Внешне выглядели они непривлекательно, но выделялись нравом достойным», — гласил протокол. Я, зная обоих с начальной школы, написал бы то же самое. Тем утром они были одеты в костюмы из темного сукна — по случаю свадьбы, — чересчур парадные и толстые для побережья. После многочасового загула лица братьев были изрядно помяты, но все же должным образом побриты. Близнецы не переставая пили еще с кануна свадебного пиршества, а на третьи сутки они были не то что пьяны, просто оба походили на бодрствующих лунатиков. С первыми бликами рассвета после почти трехчасового ожидания в лавке Клотильде Арменты они заснули, впервые с субботы. С первым гудком парохода они очнулись, чутье окончательно заставило их пробудиться, когда Сантьяго Насар вышел из своего дома. Оба стиснули в руках газетные свертки, а Педро Викарио даже стал приподниматься.

— Во имя любви к Господу Богу! — пробормотала Клотильде Армента. — Оставьте это на потом, хотя бы из уважения к сеньору епископу.

«То был перст Всевышнего», — повторяла она потом. Конечно, посоветовала она невзначай, случайно, но действие ее слова оказали незамедлительное. Услышав Клотильде Арменту, близнецы Викарио задумались, и тот, что было встал с лавки, вновь сел. Оба проводили взглядом Сантьяго Насара, переходившего площадь. «Они смотрели на него скорее с жалостью», — говорила Клотильде Армента. В ту минуту площадь пересекала рысцой беспорядочная стайка учениц монастырской школы, одетых в сиротские форменные платья.

Пласида Линеро была права: епископ не сошел с парохода. В порту кроме представителей власти и школьников скопилось много народа; повсюду из плетеных корзин выглядывали откормленные петухи, принесенные в дар его преосвященству: суп из гребешков был его любимым блюдом. На пристань было доставлено столько подношений, что для их погрузки на судно понадобилось бы не менее двух часов. Но пароход не причалил. Извергая драконий рык, он появился из-за излучины реки, и тогда оркестр заиграл епископальный гимн, а петухи в корзинах заорали, переполошив собратьев в городке.

В ту пору легендарные колесные суда, питавшиеся дровами, уже исчезали, а на тех немногих, что сохранились и плавали, не осталось ни пианолы, ни отдельных кают для справлявших медовый месяц; да и против течения такие посудины двигались с превеликим трудом. Но судно епископа было новехоньким, вместо одной у него высились две трубы, на которых браслетом был нарисован флаг, а колесо с лопастями на корме придавало вид быстроходного морского корабля. У поручней, на верхней палубе, около капитанской рубки стоял епископ в белом облачении, окруженный свитой из испанцев. «Погода стояла как на Рождество», — сказала моя сестра Маргот. По ее словам, в порту произошло следующее: проходя вдоль причала, судно прогудело и обдало всех, кто стоял в первых рядах на берегу, паром, вырвавшимся под давлением. Видение было мимолетным — епископ, проплывая мимо собравшейся толпы, творил в воздухе крестное знамение, повторяя этот жест механически, без какой-либо задней мысли, просто бездумно, до тех пор, пока пароход не исчез из виду, и в порту остался лишь гвалт перепуганных петухов.

Сантьяго Насар с полным основанием мог чувствовать себя обманутым. Откликнувшись на публичные призывы падре Кармен Амадора, он пожертвовал несколько охапок дров, вдобавок отобрал для епископа петухов с наиболее аппетитными гребешками. Однако огорчился он недолго. Моя сестра Маргот, стоявшая рядом с ним на пристани, заметила, что к нему вернулось хорошее настроение, и он намерен был продолжать попойку, хотя таблетки аспирина не принесли никакого облегчения. «Простуженным он не выглядел и рассуждал только о том, во что обошлась свадьба», — сказала она мне. Кристо Бедойя, который находился здесь же, назвал цифры, поразившие донельзя. Вместе с Сантьяго Насаром и мною он кутил почти до четырех утра, но спать к родителям не пошел, а остался поболтать у деда и бабки. Здесь он и получил многие сведения, еще недостававшие ему, чтобы прикинуть расходы на свадьбу. Кристо Бедойя подсчитал, что для гостей было зарезано сорок индюков и одиннадцать боровов да еще четыре телки — все это жених распорядился зажарить прямо на площади для угощения народа. Подсчитал Кристо Бедойя, что было выпито 205 ящиков контрабандных спиртных напитков и почти 2000 бутылок рома — их просто раздавали в толпе. Не оказалось в городке ни одного человека — ни богатого, ни бедного, — кто так или иначе не участвовал в этом самом буйном празднике, еще невиданном здесь. Сантьяго Насар мечтал вслух.

— Такой будет и моя свадьба, — сказал он. — И жизни не хватит, чтобы рассказать о ней.

Сестре будто бальзам пролился на сердце. Она еще раз подумала о счастливой звезде Флоры Мигель, которой судьба и так дала многое и которая на Рождество станет к тому же обладать Сантьяго Насаром. «Я тотчас же поняла, что лучшей партии, чем он, не может быть, — сказала мне она. — Представить только — красавец, обязательный человек и с собственным состоянием в 21 год». Маргот частенько приглашала его к нам завтракать, особенно когда жарили пончики с мясом из юкки, а в то утро мать как раз их готовила. Сантьяго Насар с радостью принял приглашение.

— Я только переоденусь и догоню тебя, — сказал он и вдруг вспомнил, что забыл часы на ночном столике: — Который час?

Было 6.25 утра. Сантьяго Насар взял под руку Кристо Бедойю и повел его к площади.

— Через четверть часа я буду у вас, — сказал он сестре.

Она упорно предлагала идти всем вместе и тотчас же, поскольку завтрак уже готов. «Какая-то странная настойчивость отличала ее, — говорил мне Кристо Бедойя. — Настолько странная, что порой я думаю, не знала ли Маргот, что его собираются убить, и потому хотела спрятать парня в вашем доме». Однако Сантьяго Насар убедил мою сестру не дожидаться, идти домой, а тем временем он переоденется для верховой езды: ему нужно было как можно скорее быть в асьенде, чтобы там холостить бычков. Тем же жестом, что и с матерью, Сантьяго Насар простился с Маргот и пошел в сторону площади, потянув с собой Кристо Бедойю. Сестра его видела в последний раз.

Многие из тех, кто был в порту, знали: Сантьяго Насара хотят убить. Дон Ласаро Апонте, полковник, окончивший академию и ныне в отставке, в течение одиннадцати лет исполнявший обязанности муниципального алькальда, откозырял ему на военный манер. «Я располагал вполне реальными основаниями считать, что ему уже не грозит никакая опасность», — сказал он мне. Падре Кармен Амадор также не проявил беспокойства. «Увидев его живым и здоровым, подумал, что все толки — бредни», — сказал он мне. Никто даже не задался вопросом: а был ли предупрежден Сантьяго Насар? Всем казалось невероятным, что он оставался в неведении.

И действительно, моя сестра Маргот была одной из немногих, кто все еще не знал, что Сантьяго Насара готовятся убить. «Если б мне стало известно об этом, я увела бы его к нам, хоть на веревке», — заявила она следователю. Было странно, что сестра не знала о предстоящем преступлении, но еще более странным было, что об этом не знала и моя мать, поскольку в нашем доме она узнавала обо всем раньше всех,

несмотря на то что в течение многих лет не посещала даже церкви. Я ценил эту ее способность еще со времен, когда мне приходилось вставать спозаранку, чтобы отправляться в школу. Я встречал ее, бледную и молчаливую — такой она была в те годы, — во дворе: в дымчатом предрассветном сумраке она подметала пол патио, а потом за кофе рассказывала мне о происшедшем на белом свете, пока мы спали. Казалось, что ее и других жителей городка, особенно ее ровесников, связывали тайные, невидимые нити; иногда она поражала нас, заранее сообщая о том, что можно было узнать, лишь обладая даром предвидения. Однако в то утро она не ощутила приближения трагедии, вызревавшей с трех часов утра. Она кончила мести двор, и сестра Маргот, отправляясь встречать епископа, видела, что мать толчет юкку для пончиков. «Слышно было, как кричали петухи», — говаривала мать, вспоминая тот день. Далекий шум она связала, однако, не с прибытием его преосвященства, а с последними отголосками свадьбы.

Наш дом находился вдалеке от главной площади — он стоял у реки, в роще манговых деревьев. Сестра Маргот дошла по берегу до порта, народ был слишком возбужден визитом епископа, чтобы интересоваться чем-то иным. Перед домами лежали больные, вынесенные на улицу, чтобы они могли принять божье исцеление, из дворов выбегали женщины с индюками, поросятами и всякой снедью, от противоположного берега реки плыли украшенные цветами каноэ. После того как епископ скрылся из виду, так и не ступив на здешнюю землю, стала известна другая новость, и весть эта сразу же приобрела скандальный характер. Тогда-то моя сестра Маргот и узнала о том, как страшно развивались события накануне: Анхела Викарио, прелестная девушка, только что вступившая в брак, водворена обратно в дом родителей, так как молодой супруг обнаружил, что она не была девственницей. «Я почувствовала, словно мне предстоит умереть, — сказала моя сестра. — Сплетню обсасывали и так и эдак, но никто не мог объяснить, каким же образом бедняга Сантьяго Насар оказался замешанным в этом скандале». Единственно, что было известно, будто братья Анхелы Викарио готовились убить его.

Моя сестра вернулась домой, кусая губы, чтобы не разрыдаться. В столовой она встретила мать, одетую в воскресное платье — в синих цветочках — на тот случай, если бы епископ решил заглянуть к нам; накрывая на стол, мать напевала про себя фадо^[2] о тайной любви. Моя сестра отметила, что был поставлен лишний прибор.

— Это для Сантьяго Насара, — сказала ей мать. — Мне передали, что ты пригласила его завтракать.

— Убери прибор, — ответила Маргот.

И сообщила обо всем. «Я думала, что мать уже в курсе случившегося, — говорила она мне. — Как всегда, начнешь ей рассказывать, еще не дойдешь и до середины, а она уже знает, чем окончится все». Но на этот раз зловеющая новость была туго завязанным узелком и для матери. Имя Сантьяго Насару дали в ее честь, она к тому же была его крестной матерью; вместе с тем мать состояла в кровном родстве с Пурой Викарио, родительницей возвращенной в отчий дом невесты. Не дослушав сестру, мать надела туфли на каблуках, накинула черную мантилью, в которой только наносила визиты соболезнования. Мой отец, лежавший в постели, услышав разговор, неожиданно появился в столовой — как был в пижаме — и встревоженно спросил ее, куда она собралась.

— Предупредить куму Пласиду, — сказала мать. — Ведь несправедливо, уже всем известно, что ее сына хотят убить, и лишь она этого не знает.

— Нас связывает с ней столько же, сколько с семьей Викарио, — возразил отец.

— Всегда надо быть на стороне усопшего, — ответила мать.

Из других комнат появились младшие братья. Самые маленькие, ощутив что-то неладное, заплакали. Мать — впервые в жизни — не обратила на них никакого внимания, как не обратила внимания и на мужа.

— Подожди, я оденусь, — сказал он ей.

Она уже вышла на улицу. Мой брат Хаиме — тогда ему было не более семи лет, — один из всех одетый, собирался в школу.

— С матерью пойдешь ты, — приказал ему отец.

Хаиме побежал за ней, не понимая ни того, что происходило, ни куда они направлялись, и схватил ее за руку. «Она шла и вслух разговаривала сама с собой, — рассказывал мне Хаиме. — Злодеи, бормотала она очень тихо, подонки, неспособные ни на что другое, как приносить несчастья». Она даже не отдавала себе отчета, что тащит за руку ребенка. «Люди, наверно, подумали, что я сошла с ума, — сказала она мне. — Помню только, где-то вдалеке слышался шум толпы, будто вновь началась свадьба, и все бежали в сторону площади». Со всей решимостью, на какую была способна, когда речь шла о чьей-то жизни, мать ускорила шаг, но кто-то из бежавших навстречу сжалился над ней.

— Не торопитесь, Луиса Сантьяга! — прокричал ей кто-то, пробегая мимо. — Его уже убили.

Байярдо Сан Роман, молодожен, вернувший жену ее родителям, впервые появился здесь в августе предыдущего года — за шесть месяцев до своей свадьбы. Он прибыл на пароходе, курсирующем каждую неделю: весь его багаж — две кожаные сумы, отделанные серебром, и украшения на них сочетались с узорами пряжки на ремне и застежек на сапогах. Ему было лет около тридцати, хотя точный возраст установить трудно, его отличали тонкая талия начинающего тореро, с блеском золота глаза и будто прокаленная на медленном жаре селитры кожа. Одет он был в короткую куртку и очень узкие брюки — обе вещи были сшиты из натуральной телячьей кожи, а на руках красовались козы перчатки, тончайшей выделки, того же цвета, что и костюм. Магдалена Оливер плыла с ним на одном судне и в течение всего путешествия не могла оторвать от него глаз. «Выглядел он педерастом, — сказала она мне. — Так обидно! Ведь красавчик, впору обмазать его кремом и съесть!» Она была не единственной, кто так думал, и не последней из тех, кто сразу же понял, что Байярдо Сан Роман — мужчина, которого не раскусишь с первого взгляда.

В конце августа мать прислала мне в колехио письмо и в нем мимоходом отметила: «Приехал сюда очень странный человек». В следующем письме она сообщала: «Странного человека зовут Байярдо Сан Роман, все говорят, что он обаятелен, но я его не видела». Никто никогда так и не узнал, зачем он прибыл. Кому-то из тех, кто не удержался перед искушением незадолго до свадьбы спросить его об этом, он ответил: «Я бродил из города в город в поисках — на ком бы жениться». Это могло быть правдой, но с таким же успехом он мог ответить все что угодно, обладая манерой говорить то, что помогало ему скрывать правду.

Вечером в кинотеатре, сразу же по прибытии, он дал понять, что разбирается в профессии путейца, заговорив о срочной необходимости проложить железную дорогу в глубь страны, чтобы обезопасить селение от капризов реки. На следующий день ему потребовалось дать телеграмму, и он сам отбил ее на телеграфном ключе, да к тому же раскрыл телеграфисту секрет, как использовать уже севшие электрические батарейки. С не меньшей уверенностью он побеседовал о болезнях в районе приграничной полосы с военным врачом, прибывшим сюда в связи с набором в армию. Ему нравились шумные и затяжные застолья, пить он умел здорово, в ссорах выступал примирителем и был противником нечистой игры. Однажды в воскресенье, после мессы, он вызвал на пари самых ловких пловцов — а их было немало — и оставил сильнейших из них на двадцать саженок позади, переплыв реку туда и обратно. Моя мать написала мне об этом в одном из писем и завершила комментарием на свой манер: «Похоже,

что он плавает и в золоте тоже». Она опиралась на слухи о том, что Байярдо Сан Роман может сделать все что угодно — и делает все великолепно, — да и располагает безграничными финансовыми средствами.

Мать окончательно благословила его, заявив в своем письме, датированном октябрём: «Люди его очень любят, — потому что он честен и добр сердцем, а в прошлое воскресенье он причащался, опустившись на колени, а также помог отслужить мессу по-латыни». В те времена не разрешалось причащаться стоя, и вся служба шла только по-латыни, однако моя мать имела обыкновение прибегать к подобным, ничего не значащим уточнениям, когда хотела постигнуть суть вещей. Тем не менее после столь благожелательного вердикта она написала мне еще два письма, в которых уже ничего не сообщала о Байярдо Сан Романо, не известила даже, хотя уже об этом стало широко известно, что он собирается жениться на Анхеле Викарио. Только много времени спустя после этой несчастной свадьбы она призналась мне, что лично познакомилась с ним, когда было слишком поздно исправить написанное ею в октябрьском письме, и его золотистые глаза ужаснули ее.

— Он показался мне похожим на дьявола, — сказала она мне, — но ты ведь сам говорил, что о таких вещах не следует писать.

Я познакомился с Байярдо Сан Романом чуть позже, чем моя мать, когда приехал домой на рождественские каникулы, и не посчитал его столь странным, как о нем толковали. Он представился мне действительно обаятельным, но не таким уж идеальным, каким обрисовала его Магдалена Оливер. Выглядел он более серьезным, чем можно было предполагать по его проделкам, чувствовалась в нем какая-то внутренняя напряженность, едва скрываемая излишней веселостью. Но, главное, он показался мне очень грустным человеком. К тому времени он уже объявил о своей помолвке с Анхелой Викарио.

Так и не удалось точно установить, как они познакомились. Хозяйка пансиона для холостяков, где проживал Байярдо Сан Роман, передавала, что он дремал послеобеденную сиесту, расположившись в качалке в гостиной — были последние дни сентября, — когда Анхела Викарио и ее мать пересекали площадь с корзинками искусственных цветов. Байярдо Сан Роман увидел двух женщин в глухих траурных платьях, они казались единственными живыми существами в послеполуденном мареве. Он спросил, кто эта девушка. Хозяйка ответила, что она — младшая дочь женщины, идущей рядом, и что зовут ее Анхела Викарио. Байярдо Сан Роман проводил взглядом обеих женщин до конца площади.

— Ей очень подходит ее имя^[3], — произнес он.

Затем, откинув голову на спинку качалки, он вновь закрыл глаза.

— Когда я проснусь, — сказал он, — напомните мне, что я на ней женюсь.

Анхела Викарио говорила мне, что хозяйка пансиона сообщила ей об этом случае задолго до того, как Байярдо Сан Роман стал преследовать ее своей любовью. «Я очень испугалась», — сказала она мне. Три человека, находившихся в пансионе, подтвердили, что такой случай действительно был, однако четверо других не считали его достоверным. Зато все версии сходились на том, что Анхела Викарио и Байярдо Сан Роман впервые встретились в октябре, в день национального праздника, на благотворительной ярмарке, где ей было поручено заниматься лотереей. Байярдо Сан Роман пришел на праздник и направился прямехонько к витрине, у которой стояла бледная лотерейщица, наглухо — до запястий — облаченная в черное, и спросил ее, сколько стоит инкрустированный перламутром граммофон с трубой — главная приманка ярмарки. Она ответила, что предмет этот выставлен не на продажу, а будет разыгран в лотерею.

— Еще лучше, — сказал он, — так будет проще и к тому же дешевле.

Анхела Викарио призналась мне, что он добился своего: произвел на нее впечатление, но отнюдь не любовным порывом. «Я не выносила заносчивых мужчин и еще никогда не видела столько фанфаронства, сколько в нем, — сказала она мне, вспоминая тот день. — А потом я подумала, что он поляк». Ее неприязнь еще более возросла, когда в обстановке всеобщего нетерпения выкрикнули номер лотерейного билета на граммофон и выигрыш действительно выпал Байярдо Сан Роману. Невозможно было предположить, что он, оказывается, скупил все лотерейные билеты лишь для того, чтобы произвести на нее впечатление.

В ту же ночь, вернувшись домой, Анхела Викарио обнаружила у себя граммофон, обернутый подарочной бумагой и украшенный бантиком из органди. «Я так и не могла догадаться, как он узнал, что у меня был день рождения», — сказала она мне. Ей было трудно убедить родителей, что она не дала никакого повода Байярдо Сан Роману прислать ей подобный подарок, да еще в такой вызывающей форме, что, естественно, не прошло незамеченным для окружающих. Ее старшие братья Педро и Пабло отнесли подарок в пансион, с тем чтобы вручить его владельцу, и сделали это с таким шумом, что не осталось ни единого человека, кто, если и не видел, как эта игрушка прибыла к Анхеле Викарио, зато видел, как она отправилась восвояси. Семья Анхелы Викарио не учла лишь неотразимости Байярдо Сан Романа. Близнецы вернулись к себе только на

рассвете следующего дня, ослотившие от попойки, все с тем же граммофоном в руках и к тому же в сопровождении Байярдо Сан Романа, намереваясь продолжать гулянку дома.

Анхела Викарио была младшей дочерью в семье с очень скромным достатком. Ее отец, Понсио Викарио, принадлежал к бедным ювелирам и зрение потерял, создавая восхитительные золотые безделушки, поддерживая, таким образом, честь домашнего очага. Мать, Пурисима дель Кармен, служила школьной учительницей, пока не вышла замуж — уже на всю жизнь. Ее кроткая и несколько болезненная внешность прекрасно скрывала силу характера. «Она была похожа на монахиню», — вспоминала Мерседес. Пурисима дель Кармен с таким самопожертвованием отдавалась заботам о муже и воспитанию детей, что окружающие иногда забывали о ее собственном существовании. Две старшие дочери вышли замуж очень поздно. Кроме близнецов и Анхелы была еще одна дочь — средняя, но она скончалась от малярии, и вот уже два года по ней носили траур, неполный дома и строгий на улице.

Братьев вырастили настоящими мужчинами. Девиц воспитывали для замужества. Они умели вышивать на пяльцах, шить на швейной машинке, плести на коклюшках кружева, стирать, гладить, делать искусственные цветы, готовить всевозможные сладости, а также писать приглашения на помолвки. В отличие от сверстниц, легкомысленно относящихся к ритуалам, связанным со смертью, четыре дочери Викарио были великими мастерицами в древней науке ухода за страждущими, в утешении умирающих и отпевании умерших. Единственное, за что их упрекала моя мать, так это за привычку причесываться перед сном. «Девочки, — говорила она им, — не расчесывайте косы к вечеру: моряков упустите». За исключением этого, считала моя мать, не было на свете лучше воспитанных девиц. «Они безупречны, — слышал я, как она частенько повторяла. — Любой мужчина будет счастлив с каждой из них, ибо они выращены для страдания». Однако тем, кто женился на двух старших дочерях, оказалось нелегко вырваться из замкнутого круга — их жены всегда ходили вместе, устраивали танцы только для дам и постоянно были готовы видеть тайный смысл в любом намерении мужей.

Анхела Викарио была самой красивой из всех четверых, и моя мать утверждала, что родилась она, как вошедшие в историю великие королевы, — в рубашке. Но вид у нее был какой-то неприкаянный, да и духом она была бедна, ничто не предвещало ей обеспеченного будущего. Я встречал ее ежегодно во время рождественских каникул и всякий раз, увидев ее у окна мастерицы из лоскутков цветы или напевавшей со

своими соседками любимые вальсы старых дев, думал о том, что выглядит она еще более неприкаянной и усохшей. «Твою глупую кузину, — говаривал мне Сантьяго Насар, — уже надо ставить на подпорки». Однажды, незадолго до того, как она надела траур по сестре, я впервые увидел ее на улице в обычном платье, с завитыми волосами и с трудом поверил, что это действительно она. Но такой ее образ был мимолетным, с годами замкнутость ее возрастала. Так что, когда стало известно, что Байярдо Сан Роман решил на ней жениться, многие решили — не скрывается ли за этим коварство чужака.

Семья же Анхелы Викарио восприняла его предложение не только всерьез, но и с большой радостью, если не считать Пуры Викарио, которая поставила условие: Байярдо Сан Роман должен раскрыть свое происхождение. До той поры никто не знал, кто он такой. Его прошлое было известно лишь с того вечера, когда он сошел с корабля в своем артистическом одеянии, в отношении же своего происхождения он был настолько скрытен, что даже самые бредовые догадки могли оказаться правдой. Дело дошло до того, что поговаривали, якобы он, будучи командиром армейской части, снес с лица земли целые деревни, посеяв ужас в Касанаре; якобы он — беглый каторжник из Кайены; якобы видели его в Пернамбуко выступавшим с парой дрессированных медведей и даже утверждали, что в канале Ветров он поднял со дна морского остатки испанского галеона, груженного золотом. Байярдо Сан Роман положил конец всем этим домыслам простейшим образом: он привез в городок все свое семейство.

Их было четверо: отец, мать и две ошеломляющие сестры. Они прибыли на машине марки «форд-Т» со служебным номером, и кричающий гудок автомобиля в 11 утра произвел на улицах переполох. Мать — Альберта Симондс, толстенная мулатка с Курасао, изъяснявшаяся по-испански с примесью «папиамьенто»^[4], в молодости была провозглашена прекраснейшей среди 200 красавиц Антильских островов. Дочери — в расцвете юности — походили на молодых необъезженных кобылок. Но главным козырем был отец: генерал Петронио Сан Роман — герой гражданских войн прошлого века и один из прославленных деятелей при правительстве консерваторов, поскольку обратил в бегство полковника Аурелиано Буэндиа, разгромив его в бою под Тукуринкой. Лишь моя мать, узнав, кто он такой, не пошла с ним здороваться. «Прекрасно, пусть поженятся, — сказала она мне. — Но это одно дело, а совсем другое — пожать руку человеку, который приказал стрелять в спину Херинельдо Маркесу». Едва успев выглянуть из окна автомобиля и приветственно

взмахнуть белой шляпой, генерал немедленно был узнан по известным всем портретам. Он был одет в полотняный костюм цвета спелой пшеницы, на ногах — полусапожки из козьей кожи со шнурками, завязанными накрест, на переносице — золотое пенсне, золотой же цепочкой прицепленное к петличке жилета. На лацкане красовалась «Медаль за мужество», в руке — трость из яблоневого дерева, украшенная резьбой в виде национального герба. Осыпанный горячей пылью наших отвратительных дорог, генерал первым вылез из автомашины, и лишь только он появился, всем стало ясно, что Байярдо Сан Роман может вступить в брак с любой, на которой вздумает жениться.

Но Анхела Викарио не хотела выходить за него. «Он казался чересчур дюжим для меня мужчиной», — сказала она мне. Кроме того, Байярдо Сан Роман даже не пытался увлечь ее, похоже, он околдовал всех членов ее семейства. Анхела Викарио не могла забыть тот ужасный вечер, когда собравшиеся в гостиной родители и старшие сестры вместе с их мужьями вынудили ее дать согласие на брак с человеком, которого она лишь мельком до этого видела. Близнецы в сговоре не участвовали. «Мы решили, что это женские затеи», — сказал мне Пабло Викарио. В виде решающего аргумента родители выдвигали следующее: их семейство, добродетелью которого были более чем скромные доходы, не имело права отказываться от такого подарка судьбы. Анхела Викарио осмелилась заикнуться, что на пути к браку лежит серьезная помеха — нет любви, но мать сразила ее:

— Любви тоже можно научиться.

Эта помолвка в отличие от других того времени, обычно весьма затяжных, когда жених и невеста находились под неусыпным наблюдением, длилась всего четыре месяца — по настоянию Байярдо Сан Романа. Еще укоротить срок помолвки оказалось невозможным, поскольку Пура Викарио потребовала выждать, пока семья не снимет траур. Но и это время пролетело незаметно и беззаботно. Байярдо Сан Роман умел удивительно устраивать все дела. «Однажды вечером он спросил меня, какой из домов мне нравится более, — рассказывала мне Анхела Викарио. — А я, не представляя, к чему он клонит, ответила, что самый красивый дом в городке принадлежит вдовцу Ксиусу». Я бы ответил так же. Дом стоял на вершине холма, овеваемый всеми ветрами, и с террасы его открывался вид на рай бескрайних заливных лугов, расцвеченных лиловыми анемонами; в ясные летние дни отсюда можно было разглядеть на горизонте нежную линию Карибского моря и трансатлантические лайнеры с туристами из Картахены де лас Индиас^[5]. В ту же ночь Байярдо Сан Роман отправился в Светский клуб и сел за столик к вдовцу Ксиусу сыграть партию в домино.

— Послушай, вдовец, — сказал он ему, — я покупаю у тебя дом.

— Дом не продается, — ответил вдовец.

— Покупаю со всем, что в нем имеется.

Вдовец Ксиус со старомодной учтивостью пояснил, что все вещи в доме были куплены его супругой за их долгую, полную лишений жизнь, и для него эти предметы остаются как бы напоминанием о ней. «Он говорил так, будто сердце держал на открытой ладони, — сказал мне доктор Дионисио Игуаран, игравший с ними в домино. — Я был уверен, что Ксиус предпочтет умереть, чем продать дом, где он был счастлив более 30 лет». Байярдо Сан Роман согласился с его доводами.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда продай мне дом пустым.

Вдовец Ксиус упорствовал до конца партии. Спустя три дня вечером Байярдо Сан Роман, настроенный еще более решительно, вновь сел за столик с домино.

— Вдовец, — обратился он опять, — сколько стоит дом?

— У него нет цены.

— Назови любую.

— Мне жаль, Байярдо, — сказал вдовец, — но вы, молодые, не понимаете сердечных мотивов.

Байярдо Сан Роман не размышлял и секунды.

— Положим, пять тысяч песо, — сказал он.

— Играй честно, — ответил ему с возмущенным достоинством вдовец. — Дом не стоит таких денег.

— Десять тысяч, — произнес Байярдо Сан Роман. — И я тебе выложу их сейчас же, банкноту за банкнотой.

Вдовец посмотрел на него глазами, полными слез. «Он плакал от ярости, — сказал мне доктор Дионисио Игуаран, который был не только врач, но еще и писатель. — Представь себе, такая сумма — только руку протяни, а приходится отвечать „нет“ в силу сентиментальных мотивов». Вдовец Ксиус потерял голос, но упорно, без промедления покачал в знак отказа головой.

— Тогда сделай мне последнее одолжение, — сказал Байярдо Сан Роман. — Подожди меня здесь пять минут.

Пять минут спустя он действительно вернулся в Светский клуб с кожаной сумой, украшенной серебром, и выложил на стол десять пачек купюрами по тысяче песо, еще перевязанные бумажными лентами с печатями Государственного банка. Два месяца спустя вдовец Ксиус скончался. «Он умер только из-за этого, — говорил доктор Дионисио Игуаран. — Ксиус был здоровее нас всех, но когда я прослушивал его, то

чувствовал, как у него в сердце булькают слезы». Вдовец Ксиус не только продал свой дом со всем его содержимым, он еще и просил Байярдо Сан Романа, чтобы тот выплачивал ему сумму постепенно, так как у него не осталось для утешения ни одного сундучка, где бы он мог хранить столько денег.

Никто бы не подумал, никто бы не сказал, что Анхела Викарио не девственница. Никто не знал никакого ее жениха, да и росла она вместе с сестрами под железной властью матери. Меньше чем за два месяца до свадьбы Пура Викарио не позволила ей наедине с Байярдо Сан Романом осмотреть дом, где молодожены собирались жить, — слепой отец и сама мать сопровождали Анхелу Викарио, дабы охранять ее честь. «Я просила Господа Бога, чтобы дал он мне сил покончить с собой, — сказала мне Анхела Викарио. — Но он не дал». Анхела была настолько подавлена, что решила было открыть всю правду матери и освободить себя от мук, но две единственные подружки-поверенные, помогавшие ей у окна мастерить из лоскутков цветы, отговорили ее от благого намерения. «Я их покорно послушалась, — сказала Анхела Викарио мне. — Они заставили меня поверить в их опытность одурачивать мужчин». Подруги заверили Анхелу Викарио, что почти все девицы теряли невинность еще в детстве — совершенно случайно. Они же убедили ее в том, что даже самые строптивые мужья мирились с любой ситуацией, лишь бы о ней никому не было известно. Наконец, убедили ее в том, что большинство мужчин первую брачную ночь встречают с испугом, не способны ни на что, и в критический момент не могут даже отвечать за собственные действия. «Во что они верят, так это лишь в то, что увидят на простынях», — доказывали подруги. Короче, они обучили Анхелу Викарио всяким хитростям и уловкам, чтобы она смогла провести будущего супруга, уверить его, будто обладает давно утерянным даром, а утром после первой ночи вынести во двор на солнце полотняную простыню с пятном, доказывающим ее непорочность.

С такой надеждой она и вышла замуж. Байярдо Сан Роман со своей стороны вступал в брак, рассчитав, что он покупал для себя счастье лишь силой своего необыкновенного влияния и богатства, и чем грандиознее становились его планы насчет будущего празднества, тем безумнее приходили ему в голову идеи, как сделать праздник более величественным. Когда стало известно о приезде епископа, он пытался отложить свадьбу на день, чтобы венчал их его преосвященство, но воспротивилась Анхела Викарио. «Я не хотела получить благословение от человека, — сказала она мне, — который отрубает для своего супа лишь петушиные гребешки и

выбрасывает птицу в помойку». И даже без благословения епископа свадьба приняла невиданный размах, она приобрела такие масштабы, что в конце концов наводить порядок стало невозможно, и, вырвавшись из рук самого Байярдо Сан Романа, превратилась в общественное событие.

На этот раз генерал Петронио Сан Роман и его семейство прибыли на парадном катере Национального конгресса, причем до конца свадьбы судно стояло ошвартованным у причала; генерала сопровождали многочисленные выдающиеся личности, оставшиеся тем не менее незамеченными в потоке новых лиц. Было навезено столько подарков, что пришлось благоустроить заброшенное здание первой электростанции, чтобы выставить напоказ самые удивительные из них, остальные же подношения были немедленно отправлены в бывший дом вдовца Ксиуса, уже подготовленный для приема новобрачных. Жениху был подарен автомобиль с откидывающимся верхом, ниже фабричной эмблемы готическими буквами было выгравировано имя Байярдо Сан Романа. Невесте был преподнесен футляр со столовым набором из чистого золота на двадцать четыре персоны. Кроме того, была привезена труппа танцоров и два оркестра, исполнявшие вальсы в разнорядной с местными музыкантами; на шум праздника сбежались многие бродячие аккордеонисты и барабанщики.

Семья Викарио проживала в скромном доме с кирпичными стенами и крышей из пальмовых ветвей, из-под которых выглядывали два слуховых оконца, в январе сюда залетали вить гнезда ласточки. Терраса с фасадной стороны почти вся была заставлена цветочными вазонами, в просторном внутреннем дворе росли фруктовые деревья, гуляли на свободе куры. С другой стороны двора близнецы выстроили свинарник, здесь же стоял «жертвенный камень» для забоя и стол для разделки туш; хозяйство служило верным источником дохода после того, как Понсио Викарио потерял зрение. Начал управлять хозяйством Педро Викарио, а когда он ушел на военную службу, то искусству мясника-забойщика обучился брат-близнец.

Комнат в доме едва хватало для семьи, и потому старшие сестры, узнав о размахе свадебных торжеств, пытались арендовать другое помещение. «Представляешь, — сказала мне Анхела Викарио, — они подумывали о доме Пласиды Линеро, но, к счастью, родители воспротивились, твердя, как и прежде, что их дочери либо празднуют свадьбу в нынешней клетушке, либо вообще не выходят замуж». Дом был выкрашен в свой первоначальный желтый цвет, двери починены, полы отремонтированы, одним словом — приобрел вид, достойный грандиозной свадьбы. Близнецы увели со двора животных, отмыли известью свинарник,

однако и после этого было ясно, что места недостаточно. В конце концов, по настоянию Байярдо Сан Романа, все заборы вокруг дома были снесены, а с соседями достигнута договоренность, что танцы будут происходить в их домах: под сенью тамариндов были расставлены только что сколоченные столы.

Единственной неожиданностью в день свадьбы стало то, что жених приехал за Анхелой Викарио с опозданием на два часа, она же отказалась надевать подвенечное платье, пока не увидит его в своем доме. «Представь себе, — сказала она мне. — Я была бы рада, если бы он вообще ко мне не приехал, но я не могла позволить ему бросить меня с фатой». Ее предусмотрительность выглядела вполне естественной, поскольку в обществе не было для женщины большего позора, как остаться с носом в полном свадебном одеянии. Однако то обстоятельство, что Анхела Викарио осмелилась набросить на себя фату с флердоранжем, не будучи девственницей, впоследствии было истолковано как профанация символов чистоты и невинности. Лишь моя мать оценила стремление Анхелы Викарио сыграть свою партию до самого конца. «В те времена, — объяснила она мне, — Бог принимал такое». Зато никто не знал, какими картами играет свою партию Байярдо Сан Роман. С минуты, когда он появился во фраке и цилиндре, и до того, как исчез с танцев, уводя жертву своих преследований, он выглядел образцом счастливого жениха.

Неизвестно было также, какими картами играет Сантьяго Насар. Мы были все время вместе — и в церкви, и на празднике — с Кристо Бедойей и моим братом Луисом Энрике, и никто из нас не заметил в нем ни малейшей перемены. Мне пришлось повторять об этом много раз — все мы вместе росли, учились в школе, вместе проводили каникулы, и предположить, что один из нас не поделился с остальными тайной, да еще столь значительной, казалось невероятным.

Сантьяго Насар был любителем праздников, и самое величайшее наслаждение он испытал перед смертью, подсчитывая расходы на свадьбу. По его подсчетам, церковь была украшена цветами на сумму, равную стоимости четырнадцати похорон по первому разряду. Эта точность потом долгие годы преследовала меня — Сантьяго Насар частенько говаривал, что запах цветов в закрытом помещении для него неотделим от смерти; в тот день, входя в церковь, он повторил мне: «Не хочу, чтобы на моих похоронах были цветы», — и не предполагал он, что на следующее утро мне придется позаботиться, чтобы цветов у его гроба не было. Возвращаясь от церкви к дому Викарио, он подытожил стоимость разноцветных гирлянд, украшавших улицу, подсчитал, во сколько обойдутся музыка и

петарды и даже во что обойдется рис, которым их встречали, осыпая пригоршнями, на празднике. В духоте полуденного зноя молодожены вышли во двор кое-что пригубить и перекусить. Байярдо Сан Роман уже стал нашим большим другом или, как тогда говорилось, собутыльником и, видимо, прекрасно себя чувствовал за нашим столом. Анхела Викарио, уже без фаты и веночка, в атласном, промокшем от пота платье вдруг обрела облик замужней женщины. Сантьяго Насар продолжал свои подсчеты и сообщил Байярдо Сан Роману, что на данный момент на свадьбу уже затрачено около девяти тысяч песо. Анхела Викарио — всем это было очевидно — восприняла его слова как бестактность. «Моя мать учила меня, что в присутствии посторонних не следует говорить о деньгах и расходах», — сказала она мне. Однако Байярдо Сан Роман встретил замечание Сантьяго Насара одобрительно и даже с чувством определенной гордости.

— Почти девять, — сказал он. — Но мы ведь только начинаем. К концу свадьбы сумма увеличится, пожалуй, вдвое.

Сантьяго Насар предложил проверить будущий счет до последнего сентаво, и на это ему как раз хватило оставшейся жизни. Действительно, последние сведения, сообщенные ему Кристо Бедойей на следующий день в порту за 45 минут до его смерти, свидетельствовали, что прогнозы Байярдо Сан Романа были точны.

У меня сохранились довольно смутные воспоминания о свадьбе, пока я не решил восстановить ее по подробностям, осевшим в памяти других. Долгие годы в нашем доме вспоминали, как отец в честь новобрачных играл на скрипке — любимом инструменте далекой молодости, как моя сестра-монахиня танцевала меренге в своем одеянии монастырской привратницы, как доктор Дионисио Игуаран — двоюродный брат матери — устроил себе поездку на служебном катере, чтобы не находиться в селении в день приезда епископа. В ходе расследований для данной хроники я собрал многочисленные свидетельства, выходящие за рамки официальных, в том числе и воспоминания сестер Байярдо Сан Романа: их бархатные платья, украшенные крыльями огромных бабочек — они крепились к спинке золотыми приколками, — привлекли на свадьбе большее внимание, чем плюмаж на шляпе их отца и кираса военных медалей на его груди. Многие не забыли, как в угарном веселье, не отдавая себе отчета, я предложил Мерседес Барча выйти за меня замуж, хотя тогда она только что закончила начальную школу; и сама она напомнила мне об этом, когда мы поженились четырнадцать лет спустя. Наиболее яркое впечатление, которое я сохранил навсегда о том злосчастном воскресенье,

осталось от образа старого Понсио Викарио, сидевшего на табурете в середине патио. Видимо, его посадили здесь, полагая, что это почетное место, но гости то и дело натыкались на него, путали с кем-то, пересаживали, чтобы он никому не мешал, а старик крутил во все стороны снежно-белой головой, и на лице его застыло выражение растерянности недавно ослепшего человека; он отвечал на вопросы, обращенные к нему, и на приветствия, сказанные другим, и был счастлив на своем островке забвения — будто картонная, топорщилась на нем накрахмаленная рубаша, он сжимал в руке тяжелую гуайяканного дерева трость, купленную ему по случаю праздника.

Официальная часть торжества закончилась в шесть часов вечера, после того как отбыли почетные гости. Уплыл расцвеченный огнями катер, оставляя после себя музыкальный шлейф вальсов, исполненных на пианоле, и на какое-то мгновение мы замерли, словно в нерешительности повиснув над пропастью, и тут же вновь обрели себя, отдавшись вихрю кутежа. Вскоре в открытом автомобиле, с трудом прокладывая дорогу в толпе, появились новобрачные. Байярдо Сан Роман поджигал петарды, отпивал агуардъенте^[6] из протянутых ему бутылок и вышел из машины вместе с Анхелой Викарио, чтобы вступить в круг пляшущих кумбию^[7]. В конце концов он распорядился продолжать танцы за его счет, пока нам хватит сил, а подавленную от страха жену увел в дом своей мечты, где был так счастлив вдовец Ксиус.

К полуночи общее веселье стало распадаться, открытой на площади оставалась лишь молочная Клотильде Арменты. Сантьяго Насар, я, мой брат Луис Энрике и Кристо Бедойя отправились в дом милосерднейшей Марии Алехандрины Сервантес. Среди многих там побывали и братья Викарио, они пили вместе с нами и пели с Сантьяго Насаром за пять часов до того, как убили его. Кое-где еще оставались островки гулянья, со всех сторон до нас доносились обрывки музыки и каких-то далеких ссор, но звуки эти становились все печальнее, пока не умолкли совсем незадолго до того, как заревел гудок парохода епископа.

Пура Викарио рассказала моей матери, что легла она в одиннадцать часов вечера — старшие дочери сначала помогли ей навести более или менее порядок после свадебной кутерьмы. Около десяти часов, когда в патио еще сидели и пели несколько пьяных, Анхела Викарио прислала сюда кого-то с просьбой взять ее саквояж с личными вещами, оставшийся в шкафу спальни; мать хотела было отправить ей также чемодан с повседневной одеждой и бельем, но посланец торопился.

Пура Викарио уже глубоко спала, когда вдруг в дверь постучали. «Раздались три редких удара, — рассказывала она моей матери. — Но в них чувствовалось нечто, предвещающее дурные вести». Не зажигая огня, продолжала Пура Викарио, и не разбудив никого, она открыла дверь и в свете уличного фонаря увидела Байярдо Сан Романа в расстегнутой шелковой рубашке и в тропической расцветки брюках на эластичных подтяжках. «Он был зеленого цвета, как бывает во сне», — сказала Пура Викарио моей матери. Анхела Викарио стояла в тени, когда Байярдо Сан Роман взял ее за руку и вытащил на свет. На ней висели обрывки атласного платья, и до талии она была завернута в полотенце. Пуре Викарио представилось, что оба они свалились под откос вместе с автомобилем и лежали бездыханными на дне пропасти.

— Святая мать Божья! — воскликнула она в ужасе. — Скажите, вы на этом свете или на том?!

Байярдо Сан Роман не вошел, он лишь мягко подтолкнул жену к двери, не произнеся при этом ни слова. Потом он поцеловал в щеку Пуру Викарио и сказал ей с глубочайшей горечью и в то же время с великой нежностью:

— Спасибо за все, мать. Вы — святая.

Только Пура Викарио знала, что происходило в последующие два часа, и в могилу ушла с этой тайной. «Единственное, что я помню, — это как одной рукой мать держала меня за волосы, а другой хлестала так неистово — я даже думала, убьет она меня», — рассказывала мне Анхела Викарио. Но побои мать наносила так тихо, что ни ее муж, ни старшие дочери, спавшие в соседних комнатах, ничего не слышали до самого рассвета, когда катастрофа уже свершилась.

Близнецы вернулись домой незадолго до трех — их срочно вызвала мать. Они увидели, что Анхела Викарио лежит на диване в столовой, распростертая ничком, лицо ее — в синяках и кровоподтеках, но плакать перестала. «Мне уже не было страшно, — сказала она мне. — Наоборот. Я чувствовала себя так, будто сбросила смертельный кошмар, мне одного лишь хотелось — поскорее бы все кончилось, и я смогла бы рухнуть в постель и уснуть». Педро Викарио, наиболее решительный из братьев, схватил ее за пояс, поднял в воздух и посадил на обеденный стол.

— Ну, давай, девочка, — произнес он, дрожа от ярости. — Скажи нам: кто он?

Она на мгновение запнулась, ровно на столько, сколько требуется, чтобы произнести имя. Будто во тьме искала это имя, тотчас же нашла его среди многих и многих на этом свете и на том и прибила его к стене точным ударом кинжала — как бы без всякого колебания наколола на

булавку бабочку, — этим огласила приговор, вынесенный судьбой давно и навсегда.

— Сантьяго Насар, — сказала она.

Адвокат придерживался концепции убийства с целью защиты чести, что допускает суд совести; в конце судебного процесса близнецы заявили, что если бы вновь — хоть тысячу раз — возник такой же повод, они поступили бы так же. Им первым пришла в голову мысль выдвинуть этот мотив в свое оправдание, и пришла она в тот самый момент, когда несколько минут спустя после совершения преступления они отдали себя перед церковью в руки правосудия. Задыхаясь, братья ворвались в приходский дом, преследуемые толпой разъяренных арабов, и положили свои вытертые от крови ножи на стол падре Амадора. Оба были совершенно обессилены чудовищной работой — убийством, одежда их и руки были покрыты потом и пятнами еще не засохшей крови, но священник вспоминал их добровольную сдачу как акт большого достоинства.

— Мы убили его преднамеренно, — сказал Педро Викарио, — но мы невиновны.

— Перед Богом, пожалуй, — ответил отец Амадор.

— И перед Богом, и перед людьми, — возразил Пабло Викарио. — Это было дело чести.

Более того, восстанавливая обстоятельства преступления, братья изобразили еще большую жестокость, чем это было на самом деле, так что за казенный счет пришлось ремонтировать парадную дверь в доме Пласиды Линеро: при воспроизведении происшедшего на месте преступления дверь изрубили ножами в щепы. В тюрьме предварительного заключения — паноптикуме Риоачи, где близнецы провели три года в ожидании решения суда, у них не было денег, чтобы под залог оставаться на свободе, — находившиеся там арестанты отмечали добрый характер и общительность братьев, но никто не замечал в них и малейшего признака раскаяния. Действительные же факты свидетельствовали о том, что братья Викарио отнюдь не хотели убивать Сантьяго Насара немедля и без свидетелей, — наоборот, они сделали все возможное и невозможное, чтобы им помешали его прикончить, но этого им не удалось достичь.

Как мне рассказывали годы спустя, близнецы пошли вначале искать его у Марии Алехандрины Сервантес, в доме которой они пробыли с ним до двух часов ночи. Этот факт, как и многие другие, не был зафиксирован в протоколе следствия. Когда, по утверждению Викарио, они пришли за

Сантьяго Насаром, его уже не было в этом доме, так как мы все вместе отправились петь серенады; не соответствует действительности и то, что братья вышли с нами. «Они не уходили от меня», — сказала мне Мария Алехандрина Сервантес, и, зная ее прекрасно, я никогда не сомневался в правдивости этих слов. Странно, что Викарио появились в молочной лавке Клотильде Арменты, хотя знали, что здесь бывает кто угодно, но только не Сантьяго Насар. «Это была единственная открытая лавка», — заявили они следователю. «Рано или поздно он все равно зашел бы сюда», — сказали мне братья после выхода из тюрьмы. Каждому было известно, что парадный вход дома Пласиды Линеро оставался закрытым изнутри даже днем и что Сантьяго Насар всегда носил с собой ключи от задней двери. Через нее он и вошел, когда вернулся, в то время как близнецы более часа поджидали его с другой стороны дома, а, направляясь встречать епископа, он вышел прямо на площадь, и по причине такой неожиданной, что даже следователь не мог понять ее.

Никто еще не знал столь широко объявленной смерти. После того как сестра назвала имя, близнецы отправились в сарай с утварью для забоя свиней и выбрали два лучших ножа, один служил для разделки туш и был десяти пульгад^[8] в длину и двух с половиной в ширину, второй — для зачистки — семи пульгад длиной и полторы шириной. Они завернули ножи в тряпье и отправились точить их на рынок, в мясные ряды, которые только начинали открывать. Первых клиентов было немного, но двадцать два человека заявили, что слышали, о чем переговаривались Викарио, и у двадцати двух сложилось впечатление, что близнецы говорили не таясь преднамеренно, чтобы их услышали. Мясник Фаустино Сантос, их приятель, видел их, когда они в 3.20 вошли к нему — как раз в это время он устанавливал лоток с потрохами, — и не понял, почему братья пришли в понедельник, да еще так рано, и к тому же в темных суконных костюмах, в которых были на свадьбе. Он привык встречать их по пятницам, чуть позднее и в кожаных фартуках, которые они надевали, когда кололи свиней. «Я подумал, настолько они пьяны, — сказал мне Фаустино Сантос, — что ошиблись не только часом, но и днем». Он напомнил им, что наступил понедельник.

— Кто же этого не знает, дурачина, — ответил вполне миролюбиво Пабло Викарио. — Мы хотим только наточить ножи.

Они точили их на вращающемся диске ноздреватого камня и делали это как обычно: Педро держал и поочередно поворачивал лезвия ножей, а Пабло крутил ручку привода. Работая, они рассказывали мясникам о том, насколько пышна была свадьба. Некоторые из мясников пожаловались, что,

будучи сотоварищами по профессии, они не получили свою долю свадебного торта, и братья пообещали позднее прислать им сладкое. Наконец, лезвия запели на камне, и Пабло поднес свой нож к лампе, чтобы засверкала сталь.

— Мы собираемся убить Сантьяго Насара, — сказал он.

Репутация порядочных людей у близнецов была настолько прочна, что никто не обратил на их слова внимания. «Все решили, что это пьяный бред», — заявили некоторые мясники так же, как заявила и Виктория Гусман, и многие другие, кто братьев видел позже. Я как-то спрашивал у мясников, не говорит ли их ремесло о том, что в душе человек их профессии склонен к убийству. Они запротестовали: «Когда режешь скотину, не осмеливаешься ей глядеть в глаза». Один из них рассказывал мне, что не может есть мясо забитого им животного. Другой говорил, что не может зарезать корову, если видел ее до этого, тем более если пил от нее молоко. Я напомнил, что братья Викарио кололи ими же выращенных свиней, хотя очень привыкали к животным и даже давали им клички. «Это верно, — ответил мне один из мясников, — но вы не забывайте, что они давали свиньям не имена людей, а названия цветов». Фаустино Сантос был единственным, кто в угрозе Пабло Викарио заметил намек на правду и спросил последнего в шутку, почему же они решили убивать Сантьяго Насара, тогда как вокруг ходит столько богатых людей, заслуживающих смерти первыми.

— Сантьяго Насар знает почему, — ответил ему Педро Викарио.

Фаустино Сантос рассказывал мне потом, что он забеспокоился и поделился своими соображениями с полицейским, который вошел чуть позже купить фунт печенки на завтрак алькальду. Полицейского, как свидетельствовал протокол, звали Леандро Порной, и умер он на следующий после свадьбы год от раны в шею, нанесенной ему быком во время местных праздников. Так что с ним я никак не мог побеседовать, но Клотильде Армента подтвердила, что полицейский был первым, кто побывал в ее молочной, когда близнецы Викарио уже сидели здесь и поджидали Сантьяго Насара.

Клотильде Армента только что сменила за прилавком своего мужа. Таков был установленный порядок. На рассвете в лавке торговали молоком, в течение дня — разными продуктами, а после шести в помещении устраивали бар. Клотильде Армента открывала лавку в 3.30, на рассвете. Ее супруг, добрый дон Рохелио де ла Флор, отвечал за бар вплоть до часа закрытия. Но в ту ночь клиентов, которые разбрелись со свадьбы, было так много, что он отправился спать после трех утра, так и не закрыв заведения,

а Клотильде Армента поднялась раньше обычного, потому что хотела распродать молоко еще до приезда епископа.

Братья Викарио вошли в бар в 4.10. В этот час здесь продавали только съестное, но Клотильде Армента поставила перед ними бутылку агуардъенте, и не только потому, что очень их уважала, но и потому, что была благодарна за объемистый кусок свадебного торта, который они ей прислали. В два затяжных глотка братья осушили бутылку, но оставались бесстрастными. «Они выглядели окоченевшими, — сказала мне Клотильде Армента, — и настроение их было невозможно подогреть даже горячим». Затем они сняли свои суконные пиджаки, с особой тщательностью повесили их на спинки стульев и попросили еще одну бутылку. На них были грязные от высохшего пота рубашки, а небритая щетина придавала им дикий вид. Вторую бутылку они выпили уже сидя и медленнее, настойчиво поглядывая на дом Пласиды Линеро, стоявший напротив; окна в доме были еще темными. Самое большое окно, выходившее на балкон, было окном спальни Сантьяго Насара. Педро Викарио спросил Клотильде Арменту, не видела ли она света именно в этом окне, и женщина ответила, что не видела, однако проявленный интерес показался ей странным.

— С ним что-нибудь произошло? — спросила она.

— Нет, ничего, — ответил ей Педро Викарио. — Просто мы ищем его, чтобы убить.

Ответ был столь неожиданным, что она не поверила в его искренность, но ее внимание привлекли два ножа-резака, завернутые в кухонные полотенца, которые держали близнецы.

— А можно ли узнать, почему вы решили убить его, да еще в такую рань? — спросила она.

— Он знает почему, — ответил Педро Викарио.

Клотильде Армента внимательно посмотрела на них. Она знала братьев настолько хорошо, что даже различала их между собой, и особенно после того, как Педро Викарио вернулся из казармы. «Они ведь были похожи на детей», — сказала она мне. И эта мысль испугала ее — она всегда считала, что только дети способны совершить всякое. Женщина закончила возиться с молочными бутылками и пошла будить мужа, чтобы сообщить ему о том, что происходит в лавке. Дон Рохелио де ла Флор слушал ее в полудреме.

— Не будь душой, — сказал он ей, — эти ребята никого не убьют, а уж богача тем более.

Когда Клотильде Армента вернулась, близнецы беседовали с полицейским, пришедшим в лавку за молоком для алькальда. Она не

слышала, о чем был разговор, но по тому, как полицейский перед уходом посмотрел на ножи, предположила, что братья сообщили и ему о своих намерениях.

Полковник Ласаро Апонте встал чуть раньше четырех. Он заканчивал бриться, когда полицейский Леандро Порной сообщил ему о планах братьев Викарио. Прошедшей ночью полковник разрешил столько ссор между друзьями, что не стал торопиться разрешать еще одну. Он спокойно оделся, несколько раз — пока не достиг должного — перевязал галстук-бабочку, затем повесил на шею для встречи епископа ладанку конгрегации девы Марии. В то время как он завтракал тушеной печенкой, украшенной колечками лука, жена возбужденно передала ему, что Байярдо Сан Роман вернул Анхелу Викарио в отчий дом, но полковник не воспринял это сообщение с таким уж драматизмом.

— Бог мой! — посмеялся он. — Что подумает епископ?

Однако, еще не закончив завтрак, он вспомнил рассказанное ему полицейским, сопоставил обе информации и обнаружил, что они связаны между собой как частички головоломки. Он направился на площадь улицей, ведущей от нового порта, дома которой в ожидании прибытия епископа наполнялись жизнью. «Я точно помню, было около пяти часов утра, начинался дождь», — сказал мне полковник Ласаро Апонте. На улице его остановили трое и по секрету донесли, что братья Викарио ждут Сантьяго Насара с намерением убить его, но лишь один человек из этих троих мог сказать, где они поджидают свою жертву.

Полковник нашел братьев в лавке Клотильде Арменты. «Увидев их, я подумал, что ребята просто хорохорятся, — сказал он мне, следуя собственной логике, — поскольку они не были так пьяны, как я полагал». Он даже не спросил близнецов об их намерениях, только отобрал у них ножи и отправил спать. Он отнесся к ним с тем же благодушием, с каким воспринял волнение собственной жены.

— Представьте себе, — сказал им полковник, — что подумает епископ, увидев вас в таком состоянии!

Братья ушли. Клотильде Армента испытала еще одно разочарование от легкомысленности алькальда: она считала, что он должен был арестовать близнецов до выяснения истины. Полковник Апонте в виде последнего аргумента показал ей ножи.

— Им больше нечем убивать, — сказал он.

— Дело не в этом, — ответила Клотильде Армента. — Надо освободить бедных парней от ужасного обета, выпавшего на их долю.

Она кое о чем догадалась и уверилась в том, что братья Викарио не

столько стремятся привести свой приговор в исполнение, сколько найти кого-либо, кто не позволит им этого сделать. Но полковник Апонте жил в ладу со своей душой.

— Нельзя задерживать лишь по подозрению, — сказал он. — Сейчас важнее всего предупредить Сантьяго Насара и — с Новым годом!

Клотильде Армента будет всегда вспоминать, что способности низенького и толстенького полковника причиняли ему массу неприятностей, однако я сам вспоминаю о нем как о человеке счастливом, хотя и несколько свихнувшемся на спиритизме, которому обучился он по почте и занимался в одиночку. Его поведение в тот понедельник было окончательным доказательством его легкомыслия. Дело в том, что полковник и не вспомнил о Сантьяго Насаре, пока не увидел его в порту, и поспешил поздравить самого себя с принятием правильного решения.

Братья Викарио сообщили о своем намерении более чем двенадцати лицам, которые пришли в лавку за молоком, и эти лица еще до шести утра разнесли эту весть. Клотильде Армента казалось невероятным, что в доме напротив ничего неизвестно. Она полагала, что Сантьяго Насара не было дома — она не видела, чтобы в его спальне зажегся свет; каждого, кого могла, она просила предупредить Сантьяго Насара при встрече. Она даже сообщила об этом отцу Амадору, передав новость с послушницей-служанкой, которая пришла за молоком для монахинь. После четырех утра она увидела свет в кухне дома Пласиды Линеро и отправила последнее и срочное сообщение Виктории Гусман с нищенкой, каждое утро приходившей в лавку поклониться каплю молока. Почти все уже были на ногах, когда взревел гудок на пароходе епископа, все готовились к встрече с ним; нас было очень немного — тех, кто не знал, что братья Викарио ждут Сантьяго Насара, чтобы убить его, в то время как другим уже до последних подробностей были известны мотивы их действий.

Клотильде Армента еще не успела распродать молоко, когда братья Викарио вернулись, держа в руках ножи, завернутые в газеты. Один — двенадцати пульгад в длину и трех в ширину, — с твердым и уже заржавевшим лезвием, был изготовлен самим Педро Викарио из пилы-ножовки для металла еще в ту пору, когда после войны немецкие ножи в продажу не поступали. Второй нож был короче, но зато более широким и кривым. Следователь зарисовал его в протоколе, видимо не сумел описать его словами, и только рискнул отметить, что нож был похож на миниатюрный ятаган. Именно этими, столь примитивными и изрядно стертými ножами было совершено преступление.

Фаустино Сантос не мог понять, что происходит. «Они опять пришли

точить ножи, — рассказал он мне, — и тут стали орать, да так, чтобы все их слышали, что выпустят кишки Сантьяго Насару. Я даже подумал, что они просто бахвалятся, к тому же я не пригляделся к ножам, посчитав, что это все те же». Но Клотильде Армента, как только братья опять вошли к ней, отметила, что решимость в них была уже не та, что прежде.

И в самом деле, между братьями впервые возникли разногласия. Дело в том, что по духу они были столь же разными между собой, сколь похожи внешне, и в момент неожиданных трудностей проявлялись их противоположные характеры. Пабло Викарио на шесть минут был старше брата, в годы отрочества отличался большим воображением и решимостью. Педро Викарио всегда казался мне более сентиментальным и потому более властным. В 20 лет оба ушли на военную службу, но Пабло Викарио был освобожден, оставлен главой семьи. Педро Викарио отслужил одиннадцать месяцев в патрулях по охране общественного порядка. Воинский режим, отягощенный постоянным страхом смерти, укрепил в нем склонность к командованию и привычку решать за брата. Он вернулся домой с «сержантской бленнореей», оказавшей сопротивление самым жестоким методам лечения армейской медицины, а также уколам мышьяка и клизмам из английской соли доктора Дионисио Игуарана. Только в тюрьме его вылечили. Мы, друзья братьев, сходились во мнении, что в Пабло Викарио неожиданно развился странный комплекс зависимости от младшего близнеца, после того как Педро Викарио вернулся домой с душой казарменного служаки, к тому же у него появилось нечто новое: Педро Викарио задира рубашку и показывал любому желающему шрам от зашитого пулевого ранения на боку. Пабло Викарио даже испытывал некий трепет перед «бленнореей» великого человека, которую брат демонстрировал как военную награду.

Как заявил сам Педро Викарио, именно он принял решение убить Сантьяго Насара, а брат вначале лишь последовал за ним. Он же, после того как их разоружил алькальд, решил, что долг их выполнен, и тогда командование взял на себя Пабло Викарио. В своих заявлениях, данных следователю по отдельности, ни один из братьев не упомянул об этой размолвке. Однако Пабло Викарио не раз говорил мне, что ему было нелегко убедить брата принять окончательное решение. Возможно, то была минутная слабость, но Пабло Викарио пошел один в сарай за другими ножами, тогда как его брат корчился под тамариндом, пытаясь помочиться. «Мой брат никогда не знал, что это такое, — сказал мне Педро Викарио в наше единственное свидание. — Это все равно как мочиться битым стеклом». Вернувшись с ножами, Пабло Викарио нашел своего брата все

еще в обнимку с деревом. «Он исходил холодным потом от боли, — сказал он мне, — и пытался убедить меня, чтобы я шел один, потому что он не в состоянии убивать кого бы то ни было». Педро Викарио сел на один из наспех сколоченных для свадебного обеда столов и спустил до колен брюки. «Почти полчаса он менял свои бинты», — сказал мне Пабло Викарио. На самом же деле его брат задержался не более чем на десять минут, но для Педро Викарио все это было так трудно, а для Пабло Викарио так непонятно, что последний увидел в его действиях уловку, чтобы протянуть время до рассвета. Он сунул брату в руки нож и почти силой повлек его на поиски утерянной чести сестры.

— Выхода нет, — сказал он, — считай, что все это уже произошло с нами.

Они вышли из свинарника, еще не завернув ножи, преследуемые собачьим лаем из дворов. Начинало светать. «Дождя не было», — вспоминал Пабло Викарио. «Напротив, — утверждал Педро, — с моря дул ветер, и звезды можно было пересчитать по пальцам». Новость к тому времени уже так широко разнеслась, что Ортенсия Бауте открыла дверь своего дома как раз в ту минуту, когда братья проходили мимо, и первой оплакала Сантьяго Насара. «Я вообразила, что они уже убили его, — сказала она мне, — потому как в свете уличного фонаря увидела ножи, и мне показалось, что с них капала кровь». Один из немногих домов на этой заброшенной улице был дом Пруденсии Котес, невесты Пабло Викарио. Каждый раз, когда близнецы проходили здесь в этот час — особенно в пятницу, направляясь на рынок, — они заходили к ней выпить первую чашечку кофе. Братья толкнули дверь в патио, на них бросились собаки, но тут же успокоились, признав их в предрассветном сумраке; в кухне близнецы поздоровались с матерью Пруденсии Котес. Кофе еще не был готов.

— Оставим кофе на потом, — сказал Пабло Викарио, — мы очень торопимся.

— Понимаю вас, сыночки, — ответила она. — Дело чести не ждет.

Но они все-таки задержались, и на этот раз Педро Викарио подумал, что его брат намеренно тянет время. Пока они пили кофе, в кухню вошла Пруденсия Котес — девица в расцвете юности; в руках она несла кипу старых газет, чтобы развести огонь в очаге. «Я знала, что они задумали, — сказала она мне, — и не только была с ними согласна, но никогда не вышла бы за Пабло замуж, если бы он не выполнил свой долг мужчины». Прежде чем покинуть кухню, Пабло Викарио взял у нее два газетных листа и один отдал брату — завернуть ножи. Пруденсия Котес осталась ждать в кухне,

пока не увидела, как близнецы прошли через двор; она продолжала ждать еще три года, не поддаваясь ни на минуту отчаянию, пока Пабло Викарио не вышел из тюрьмы и не стал ее мужем на всю жизнь.

— Будьте очень осторожны, — сказала она им.

Так что Клотильде Армента частично была права, когда ей показалось, что братья уже не отличаются прежней решимостью; она подала им бутылку отвара медвежьего ушка в надежде взбодрить их. «В тот день я поняла, — сказала она мне, — как мы, женщины, одиноки в этом мире!» Педро Викарио попросил у нее бритвенные принадлежности ее супруга, и Клотильде Армента принесла ему помазок, мыло, висячее зеркальце и бритву с новым лезвием, но он побрился своим ножом-тесаком. Она сочла это высшей степенью проявления мужского превосходства. «Он был похож на убийцу из кинофильма», — сказала она мне. Однако Педро Викарио объяснил мне позднее, что в казарме научился бриться навахой и в дальнейшем не мог это делать иначе. Его брат побрился более скромным образом — безопасной бритвой, одолженной у дона Рохелио де ла Флор. Наконец в полном молчании и неторопливо они распили бутылку, наблюдая с отрешенным видом полуночников за темным окном в доме напротив, а в это время мимо с притворным равнодушием сновали клиенты, покупая без всякой надобности молоко, спрашивая о несуществующих продуктах с единственной целью — убедиться, верно ли, что близнецы ждали Сантьяго Насара, чтобы убить его.

Братья Викарио так и не увидели света в окне. Сантьяго Насар вошел в свой дом в 4.20 утра, но ему не пришлось зажигать огонь, чтобы добраться до спальни — фонарь на лестнице горел всю ночь. Как был — в одежде — он бросился в темноте на кровать, для сна у него оставался только час; таким его и нашла Виктория Гусман, когда поднялась будить — пора идти встречать епископа. Вместе с ним мы были у Марии Алехандрины Сервантес до трех утра и даже чуть позже; тогда она сама отпустила музыкантов и погасила огни на танцевальной площадке, с тем чтобы мулатки ее заведения наслаждений улеглись отдыхать в одиночку — без клиентов. Вот уже три дня и три ночи девицы трудились без отдыха, вначале тайно обслуживая почетных гостей, а затем — распахнув настежь двери для тех, кто, как мы, остались без пары на свадебной гулянке. Мария Алехандрина Сервантес, о которой мы говорили, что заснет она только тогда, когда умрет, была самой элегантной и самой нежной женщиной из всех, кого я знал когда-либо, самой услужливой в постели, но и самой строгой. Она здесь родилась и выросла, здесь и жила — в доме с широко открытыми для всех дверьми, сдавая внаем несколько комнат, с огромным

патио — площадкой для танцев, где вместо фонарей висели сухие тыквы, купленные на китайских базарах в Парамарибо^[9]. Именно она покончила с целомудрием юношей моего поколения. Она обучила нас намного большему, чем нам следовало бы знать, но главное — она втолковала нам, что нет более печального зрелища на свете, чем пустая кровать. Сантьяго Насар потерял разум, едва увидев ее. Я предупредил его: «Бойся, сокол, нежной цапли!» Но он не слушал меня, сбитый с толку волшебным воркованием Марии Алехандрины Сервантес. Она была его безумной страстью и поводом для рыданий в его 15 лет, пока Ибрагим Насар не выгнал сына ремнем из ее постели и не запер его более чем на год в асьенде «Божественный лик». С той поры их связывало глубокое уважение, однако без особых излишеств в любви, и она относилась к Сантьяго Насару с таким почтением, что не ложилась в постель к другому, если Сантьяго Насар был неподалеку. В мои последние каникулы она рано выпроваживала нас под смехотворным предлогом, будто устала, однако дверь при этом оставляла незапертой и забывала гасить фонарь в коридоре, чтоб я тайком мог к ней возвращаться.

У Сантьяго Насара был почти фантастический талант к переодеванию, и его любимым занятием было менять одежды на мулатках так, что они сами себя не узнавали. Он вытряхивал гардероб одних, чтобы нарядить других, так что девицы в конце концов ощущали себя непохожими на самих себя и точь-в-точь такими, какими не были. Как-то одна из мулаток увидела себя в другой настолько четко, что разразилась рыданиями. «Мне показалось, что я вылезла из зеркала», — сказала она. Но в ту ночь Мария Алехандрина Сервантес не позволила Сантьяго Насару в последний раз насладиться своим искусством иллюзиониста и сделала это под таким легкомысленным предлогом, что мерзкий привкус одного лишь воспоминания об этом изменил ее жизнь. Поэтому мы ушли, потащив за собой музыкантов распевать серенады, и продолжали развлекаться сами, в то время как близнецы Викарио ждали Сантьяго Насара, чтобы убить его. Именно ему пришла мысль подняться в четыре утра на холм, где стоял дом вдовца Ксиуса, и пропеть серенаду молодоженам.

Мы не только спели под окнами, но и запустили в сад петарды, но из дома не доносилось никаких признаков жизни. Нам не пришло в голову, что в доме никого нет, тем более что у ворот стоял новый автомобиль еще с открытым верхом и украшенный по случаю праздника атласными лентами и парафиновым флердоранжем. Мой брат Луис Энрике — он уже тогда играл на гитаре как профессионал — импровизировал в честь молодых супругов песню о брачных кознях. До этого момента дождя не было.

Наоборот, в небе висела луна, воздух был прозрачен, а в глубине оврага виднелись переливы светящихся гнилушек на кладбище. С другой стороны можно было различить банановые рощи, синие в лунном свете, печальные болота, а на горизонте фосфоресцирующую линию Карибского моря. Сантьяго Насар указал на мерцающий огонек в море и сказал, что то была бесприютная душа утопленника с рабовладельческого судна, шедшего с живым грузом из Сенегала и затонувшего у входа в порт Картахены де лас Индиас. Нельзя было и подумать, что совесть его беспокойна, хотя тогда он еще не знал, что эфемерная супружеская жизнь Анхелы Викарио закончилась два часа назад. Байярдо Сан Роман отвел ее в дом родителей пешком, чтобы шум мотора преждевременно не разгласил его несчастья; и при потушенных огнях он сидел один в огромном и счастливом доме вдовца Ксиуса.

Когда мы спустились с холма, мой брат пригласил нас позавтракать жареной рыбой в лавке на рынке, но Сантьяго Насар возразил: ему хотелось часок поспать до приезда епископа. Он ушел с Кристо Бедойей по берегу реки, обходя в старом порту хижины бедняков, где уже зажигались огни; перед тем как завернуть за угол, он взмахнул рукой в знак прощания. Мы видели его в последний раз.

Кристо Бедойя, с которым он договорился встретиться позднее в порту, попрощался с ним у задней двери его дома. Как обычно, учуяв его приход, залаяли собаки, но Сантьяго Насар успокоил их в темноте звяканьем ключей. Виктория Гусман следила за кофейником на плите, когда он прошел через кухню внутрь дома.

— Эй, хозяин, — позвала она его, — скоро закипит кофе.

Сантьяго Насар ответил, что выпьет кофе позднее, и попросил передать Дивине Флор, чтобы та его разбудила в половине шестого и принесла ему чистую одежду, такую же, какая была на нем. Минуту спустя после того, как он поднялся в спальню, Виктория Гусман получила послание Клотильде Арменты, отправленное с нищенкой. В 5.30 утра она исполнила приказ — разбудила, но отправила не Дивину Флор, а поднялась сама в его спальню с полотняным костюмом в руках: Виктория Гусман всякий раз охраняла дочь от когтей хозяина.

Мария Алехандрина Сервантес оставила засов на двери открытым. Я простился с братом, пересек коридор, где среди вазонов с тюльпанами спали, сгрудившись, коты, принадлежащие мулаткам, и без стука вошел в спальню. Лампы были погашены, но сразу же, переступив порог, я ощутил теплый запах женщины и в темноте разглядел глаза бодрствующей пумы, а потом я уже ничего не помнил, пока не зазвонили колокола.

Направляясь домой, мой брат зашел в лавку Клотильде Арменты купить сигареты. Он столько уже выпил, что его воспоминания о той встрече были очень смутными, но никогда он не мог забыть убийственного глотка, предложенного ему Педро Викарио. «То была чистейшая взрывчатка», — сказал мне он. Пабло Викарио, начинавший дремать, услышав, что вошел мой брат, вскочил и показал ему нож.

— Сейчас пойдем убивать Сантьяго Насара, — сказал он ему.

Мой брат этого не помнил. «Но если бы я и помнил, то не поверил бы этому, — повторял он мне зачастую. — Какому дьяволу могло прийти в голову, что близнецы собираются кого-то убивать, да еще резаками для свиней!» Викарио спросил брата, где находился Сантьяго Насар, поскольку их видели вместе, и он опять-таки не запомнил, что им ответил. Но Клотильде Армента и близнецы Викарио так удивились, услышав его ответ, что каждый в отдельности заявили об этом — и ответ был внесен в протокол следствия. Согласно их показаниям, мой брат сказал: «Сантьяго Насар мертв». Затем он всех осенил епископским благословением, споткнулся о приступок у двери и, качаясь, вышел. На середине площади брат встретился с падре Амадором. Последний в полном облачении направлялся в порт, за ним следовали служка, звонивший в колокольчик, и несколько помощников, которые несли походный алтарь для отправления мессы епископом. Увидев их, братья Викарио перекрестились.

Клотильде Армента рассказывала мне потом, что после того, как священник прошел мимо ее дома, у братьев исчезли последние надежды. «Я решила, что святой отец не получил моей записки», — сказала она. Однако много лет спустя падре Амадор, удалившийся от мирской суеты в мрачном «Доме здоровья» Калафелля, признался мне, что он все-таки получил записку Клотильде Арменты, получил и другие, более тревожные послания, когда собирался отправиться в порт. «По правде говоря, я не знал, что делать, — сказал он мне. — Первое, о чем я подумал, что все это — дело не мое, а гражданских властей, но потом решил, проходя мимо, сказать кое-что Пласиде Линеро». Однако, пересекая площадь, он начисто забыл обо всем. «Вы должны понять меня, — сказал он мне, — ведь в тот несчастный день прибывал епископ». Когда совершалось преступление, он испытал такое отчаяние и ощутил себя таким недостойным, что ему не пришло в голову ничего иного, как бить в набат будто при пожаре.

Мой брат Луис Энрике вошел в дом через кухонную дверь, которую мать оставляла незапертой, чтобы отец не слышал, когда мы приходили. Перед тем как лечь спать, брат зашел в туалет, где и заснул, сидя на унитазе; позже мой другой брат, Хайме, собираясь идти в школу,

обнаружил Луиса Энрике лежащим ничком на каменном полу и распевающим во сне песни. Моя сестра-монахиня, которая не пошла встречать епископа, поскольку была с похмелья, не смогла разбудить брата. «Пробило пять часов, когда я пошла в туалет», — сказала она мне. Позднее в ванную комнату, прежде чем отправиться в порт, вошла, чтобы принять душ, моя другая сестра, Маргот, и ей удалось с большим трудом перетащить Луиса Энрике в спальню. В глубоком сне он слышал, так и не проснувшись окончательно, первые гудки парохода епископа. Потом он опять уснул, сломленный выпивкой, и спал до тех пор, пока сестра-монахиня не вбежала в спальню, пытаясь на ходу натянуть одеяние, и не разбудила его безумным криком:

— Убили Сантьяго Насара!

Увечья, нанесенные ножами, были как бы началом безжалостного вскрытия, которое вынужден был произвести падре Кармен Амадор ввиду отсутствия доктора Дионисио Игуарана. «Казалось, будто мы его опять убиваем после того, как он уже скончался, — сказал мне бывший священник в своем уединении в Калафелле. — Но таков был приказ алькальда, а приказы этого варвара, какими бы глупыми они ни были, приходилось выполнять». Это было не совсем справедливо. В суматохе того нелепого понедельника полковник Апонте успел связаться по телефону с губернатором провинции, и последний уполномочил его произвести предварительное расследование до того, как будет направлен следователь. В прошлом алькальд был армейским офицером, опыта в вопросах юриспруденции у него не имелось, и он был слишком самонадеян, чтобы обращаться с вопросами к кому-либо, кто мог знать, с чего надо начинать. Первое, что беспокоило алькальда, — это вскрытие тела. Кристо Бедойя, в то время студент медицины, добился отвода, ссылаясь на то, что Сантьяго Насар был его ближайшим другом. Алькальд считал, что труп может находиться в замороженном состоянии до возвращения доктора Дионисио Игуарана, однако ему не удалось найти морозильник размером в человеческий рост, а единственный подходящий — на рынке — вышел из строя. Тело было выставлено для прощания посередине зала; оно лежало на узкой железной кровати, пока изготавливали богатый гроб. Из спален и даже из соседних домов сюда были перенесены вентиляторы, но желающих взглянуть на покойника было так много, что пришлось сдвинуть мебель, снять клетки с птицами, унести вазоны с папоротниками, и даже после этого духота стояла невыносимая. Собаки, взбуждаемые запахом смерти, увеличивали смятение. Они были

не переставая с той минуты, когда я вошел в дом, а как раз в этот момент Сантьяго Насар еще агонизировал на кухне, здесь же в крик рыдала Дивина Флор, которая отгоняла собак дверным засовом.

— Помоги мне! — крикнула она. — Они хотят выжрать у него кишки!

Мы заперли собак на замок в стойле. Позднее Пласида Линеро приказала отвести собак подальше, пока не закончатся похороны. Однако в полдень — никто не знает, как это произошло, — они сбежали и словно обезумевшие ворвались в дом. Пласида Линеро в единственный раз потеряла самообладание.

— Проклятые псы! — закричала она. — Прикончите их!

Приказание было исполнено немедленно, и дом вновь погрузился в тишину. До того не было опасений за состояние тела. Лицо осталось нетронутым, и на нем сохранилось то же выражение, которое было, когда Сантьяго Насар пел; Кристо Бедойя втиснул внутренности на положенные им места и перевязал тело полотняной лентой. Однако к вечеру из ран начала течь жидкость янтарного цвета, привлекавшая мух, вокруг рта появилось лиловое пятно, медленно, словно тень от облака на воде, расползавшееся до корней волос. Всегда доброжелательное выражение вдруг изменилось на враждебное, и мать прикрыла лицо платком. Тогда полковник Апонте понял, что ждать более невозможно, и приказал падре Амадору произвести вскрытие.

«Хуже будет, если через неделю его придется выкапывать», — сказал он. В свое время священник изучал медицину, и в частности хирургию, в Саламанке, однако, не защитив диплом, перешел в духовную семинарию, так что даже алькальд понимал, что производимое падре Амадором вскрытие юридической силы не имеет. Тем не менее он потребовал выполнить свое приказание.

То была бойня, и происходила она в помещении местной школы; на вскрытии помогал аптекарь, который вел записи, и студент медицины — первокурсник, находившийся здесь на каникулах. В их распоряжении имелось всего несколько инструментов, применяемых при малой хирургии, кроме того, были использованы орудия для различных ремесел. Но если не обращать внимания на увечья, вновь нанесенные телу, то отчет падре Амадора о вскрытии выглядел нормальным, и следователь присовокупил его к протоколу как полезный документ.

Семь из многочисленных ран оказались смертельными. Печень была практически разрублена двумя глубокими ударами в ее переднюю часть. В области желудка имелось четыре ранения, одно из которых было настолько глубоким, что разрушило поджелудочную железу. В области толстых кишок

были нанесены шесть менее тяжелых ранений, множественные удары проникли в тонкие кишки. Единственный удар в спину на уровне третьего позвонка снизу перфорировал правую почку.

Брюшная полость была заполнена большим количеством сгустков крови, а в жиге, состоящей из остатков пищи и фекалий, был обнаружен золотой медальон, проглоченный Сантьяго Насаром в четырехлетнем возрасте. В грудной клетке имелось два проникающих ранения: одно — в правом боку, под вторым ребром — задело легкое; второе прошло очень близко к левой подмышке. На кистях рук и на предплечьях имелись шесть неглубоких ран; два глубоких горизонтальных ранения имелись: одно — на правом бедре, второе — в тканях живота. Ладонь правой руки была сильно рассечена. В отчете говорилось: «Как стигма у распятого Христа». Серое вещество его мозга весило на шестьдесят граммов больше, чем у рядового англичанина, и падре Амадор отметил в отчете, что Сантьяго Насар отличался особыми интеллектуальными способностями, его ожидало блестящее будущее. В последнем же абзаце падре указал на имевшуюся гипертрофию печени, что было им отнесено за счет плохо залеченного гепатита. «В любом случае, — сказал он мне, — ему оставалось совсем немного лет жизни». Доктор Дионисио Игуаран, который действительно в свое время лечил Сантьяго Насара от гепатита, с возмущением вспоминал это вскрытие. «Ему и положено быть священником, настолько он туп, — сказал он мне. — Невозможно ему втолковать, что у нас, жителей тропиков, печень намного больше, чем у галисийцев». Отчет о вскрытии констатировал, что причиной смерти явилась большая потеря крови, каждая из семи ран была роковой.

Нам вернули совершенно другое тело. Половина черепа была снесена во время трепанации, и лицо красавца, пощаженное смертью, исказилось до неузнаваемости. Кроме того, священник одним махом вырвал изрубленные внутренности, и, не зная, что с ними делать, под конец в гневе, благословив их, выбросил в помойное ведро. У последних зрителей, прилипших к окнам школы, истощилось любопытство, помощник испарился, а полковник Ласаро Апонте, повидавший на своем веку многое и сам проводивший множество кровавых расправ, после этого вскрытия стал вегетарианцем, а кроме того, уже был спиритом. Пустая телесная скорлупа, нафаршированная тряпками и негашеной известью, наспех зашита шпагатом огромной — для мешковины — иглой, почти разваливалась, когда мы уложили ее в новый, обитый стеганым шелком гроб. «Я думал, что в таком виде он дольше сохранится», — сказал мне падре Амадор. Произошло же обратное: мы вынуждены были похоронить покойника как

можно быстрее, на заре, поскольку тело находилось в таком плохом состоянии, что держать его в доме было невыносимо.

Наступал мрачный вторник. После столь угнетающего дня я не мог уснуть в одиночестве и толкнул дверь дома Марии Алехандрины Сервантес — а вдруг засов не закрыт? В светильниках из сухих тыкв, висевших на деревьях, горел свет, на площадке для танцев пылали костры, а над ними дымились огромные кастрюли, в которых мулатки перекрашивали в черный траурный цвет свои праздничные платья. Как уже бывало на рассвете, я нашел Марию Алехандрину Сервантес бодрствующей и совершенно нагой, она всегда так поступала, когда в доме не было чужих. Сложив ноги по-турецки, она восседала на своей королевской кровати, а перед ней стоял поднос с вавилонской башней из еды: телячьи котлеты, отварная курица, свиная вырезка и гора бананов и овощей, которых могло бы хватить на пять человек. Безграничное обжорство всегда для нее было единственным видом оплакивания, и никогда я не видел, чтобы она совершала его с большей тоской. Я лег рядом с ней, не снимая одежды, почти не разговаривая и также по-своему рыдая. Я думал о жестокости судьбы Сантьяго Насара, заплатившего за 20 лет счастливой жизни не только смертью, но еще и четвертованием, разрушением, изничтожением своего тела. Мне приснилось, что в комнату вошла женщина с девочкой на руках, которая, не переставая, чавкала, и полуизжеванные зерна кукурузы падали ей на платье. Женщина сказала мне: «Она все грызет, как глупый крот, то неряшливо, то нахально». Неожиданно я почувствовал, как нетерпеливые пальцы расстегивают пуговицы моей рубашки, ощутил опасный запах зверя любви, притаившегося за моей спиной, и понял, что я начинаю тонуть в дарящих наслаждение зыбучих песках ее нежности. Но она резко остановилась, где-то очень далеко откашлялась и исчезла из моей жизни.

— Не могу, — сказала она, — от тебя пахнет им.

И не только от меня. В тот день все вокруг пахло Сантьяго Насаром. Братья Викарио ощутили этот запах в тюремной камере, куда их запер алькальд, пока размышлял, что же с ними делать дальше. «Сколько ни оттирался мочалкой с мылом, я не мог избавиться от этого запаха», — сказал мне Педро Викарио. Близнецы не спали уже три ночи, но отдохнуть им не удавалось, потому что, как только они начинали дремать, им чудилось, что они опять совершают преступление. Уже совсем стариком, пытаясь объяснить мне свое состояние в тот нескончаемый день, Педро Викарио сказал мне просто: «Все равно что бодрствовать вдвойне». Эта фраза заставила меня подумать, что самой невыносимой для них в камере

была бессонница.

Камера была длиной в три метра, высоко зарешеченное оконце, переносная параша, рукомойник — тазик и кувшин, две каменные лежанки с соломенными циновками. Полковник Апонте, под руководством которого была сооружена эта камера, утверждал, что никогда не существовало более гуманного приюта, чем этот. Мой брат Луис Энрике был с этим согласен, потому что однажды ночью за драку с музыкантами его заперли сюда, и алькальд великодушно разрешил ему пребывать здесь с одной из мулаток. Возможно, братья Викарио думали так же, когда в восемь утра до их сознания дошло, что опасность со стороны арабов им не угрожает. Близнецы были удовлетворены мыслью о выполненном долге, и беспокоил их единственно навязчивый запах. Они попросили побольше воды, хвойного мыла, мочалки, смыли кровь с рук и лица, а потом выстирали рубашки, но заснуть никак не могли. Педро Викарио еще попросил принести ему слабительное и другие желудочные лекарства, стерильный бинт, чтобы сменить повязку, утром он даже смог помочиться дважды. Однако по мере наступления дня жизнь для него становилась столь тяжелой, что мысль о запахе отступила на второй план. В два часа дня, когда можно было расплавиться от жары, Педро Викарио чувствовал себя таким усталым, что не мог более лежать на своей циновке, но та же усталость не позволяла ему оставаться на ногах. Боль в паху пронизывала до шеи, моча перестала отходить, и он в ужасе подумал: а не случится ли так, что он не сможет уснуть до конца своей жизни? «Я не спал одиннадцать месяцев», — сказал он мне, а я знал его достаточно хорошо, чтобы поверить. Он не мог есть. Пабло Викарио все же проглотил понемногу от всего, что принесли, а через четверть часа у него началась ужасающая рвота, прохватил понос. В шесть часов вечера, когда происходило вскрытие трупа Сантьяго Насара, срочно вызвали алькальда: Педро Викарио был уверен, что его брат отравлен. «Я исходил жидкостью, — сказал мне Пабло Викарио, — и мы не могли отделаться от мысли, что все это — происки турков»^[10]. Дважды опорожнялась за это время параша, шесть раз водил часовой Пабло Викарио в уборную алькальдии. Там и нашел его полковник Апонте, сидящим на стульчаке в будке без дверей под прицелом ружья; из Пабло Викарио понос извергался таким потоком, что думать о преднамеренном отравлении не было нелепостью. Однако мысль эту немедля отбросили, как только установили, что пил он только воду и съел обед, присланный ему Пурой Викарио. Тем не менее алькальда все это так потрясло, что он приказал отвести арестантов под усиленным конвоем к себе домой в ожидании прибытия следователя, который и перевел их в паноптикум

Риоачи.

Страхи близнецов были вызваны накалом страстей на улицах. Возможность мщения со стороны местных арабов не исключалась, но никто, кроме братьев Викарио, не подумал о яде. В народе предполагали, что арабы скорее дождутся ночи, чтобы бросить в окно банку с керосином и сжечь арестантов в тюремной камере. Но и это предположение было бредовым. Арабы представляли собой общину мирных переселенцев, осевших в начале этого века в селениях Карибского побережья — в самых отдаленных и бедных — и занимавшихся торговлей цветастым тряпьем и ярмарочными безделушками. Они были дружны, трудолюбивы, исповедовали католическую религию. Они заключали браки только между собой, привозили свои злаки, выращивали в своих дворах овец, разводили майоран и баклажаны, и единственной, но болезненной их страстью были карты. Старшие продолжали говорить на простонародном диалекте арабского языка, вывезенном с родины, сохранив его нетронутым до второго поколения, однако третье поколение, за исключением Сантьяго Насара, выслушивало обращение родителей на арабском, но отвечало на испанском языке. Таким образом, немыслимо было представить себе, что внезапно изменится мирный сельский дух арабов и они будут мстить за смерть, в которой всех нас можно было признать виновными. И, кстати, никто не подумал о возможности мщения со стороны семьи Пласиды Линеро — людей влиятельных и воинственных, пока судьба им улыбалась, подаривших свету не одну пару убийц, безнаказанно, пользуясь своей громкой славой, расправлявшихся в барах и тавернах с противниками.

Обеспокоенный слухами, полковник Апонте посетил каждую арабскую семью и — по крайней мере хоть на этот раз — пришел к правильному заключению. Он обнаружил арабскую часть населения в печальном и смятенном состоянии духа, в алтарях виднелись знаки траура, многие люди, сидя на полу, плакали навзрыд, но ни в ком полковник не обнаружил жажды мщения. Утренние волнения вспыхнули под горячую руку сразу же после убийства, и сами преступники полагали, что дальше туманов дело бы не пошло. Более того, именно Сусеме Абдала, столетняя старейшина, порекомендовала целебный отвар из горькой полыни и лепестков страстоцвета, который успокоил холерину у Пабло Викарио и, наоборот, развязал у его брата цветной от болезни ручеек. После этого Педро Викарио впал в дрему, а его излеченный брат видел первый сон без угрызений совести. Так и застала их Пурисима Викарио, когда на заре в три часа алькальд привел ее попрощаться с сыновьями.

По предложению полковника Апонте вся семья Викарио — даже

старшие дочери с мужьями — уехала. Они отбыли так, что никто этого не заметил; мы же — не спавшие из тех, кто пережил тот невыносимый день, — хоронили Сантьяго Насара. Семья Викарио, покинувшая городок до той поры, пока не остынут страсти, как говорил алькальд, сюда уже не вернулась. Пура Викарио прикрыла платком лицо возвращенной ей дочери, чтобы не видны были синяки, и одела ее во все ярко-красное, чтобы никто не думал, что она хранит траур по своему тайному возлюбленному. Прежде чем уехать, Пура Викарио просила падре Амадора исповедать в тюрьме сыновей, но Педро Викарио отказался и убедил брата, что им раскаиваться не в чем. Они остались одни; в день их перевода в Риоачу оба настолько пришли в себя и настолько уверовали в свою правоту, что отказались, чтобы их вывозили ночью, как поступили с их семейством, напротив, они пожелали покинуть городок в разгаре дня и с открытым лицом. Отец, Понсио Викарио, вскоре умер. «Его унесло душевное горе», — сказала мне Анхела Викарио. Близнецы, после того как были освобождены, остались в Риоаче, в одном дне пути от Манауре, где проживала семья. Туда и отправилась Пруденсия Котес, чтобы сочетаться браком с Пабло Викарио, который обучился ювелирному ремеслу в мастерской отца и стал отличным мастером. Педро Викарио — без любви и без работы — три года спустя вернулся в армию и дослужился до звания старшего сержанта; одним прекрасным утром его патруль, распевая песни о шлюхах, углубился на территорию, захваченную партизанами, и больше об этой группе ничего не было известно.

Для подавляющего большинства существовала только одна жертва — Байярдо Сан Роман. Предполагалось, что другие участники этой трагедии достойно и даже с определенным величием выполнили долг, предопределенный им самой жизнью. Сантьяго Насар поплатился за нанесенный позор, братья Викарио доказали, что они — истинные мужчины, а сестра, над которой насмеялись, вновь обрела честь. Единственный, кто потерял все, был Байярдо Сан Роман. «Бедняга Байярдо» — так вспоминали его долгие годы. Правда, о нем все забыли вплоть до лунного затмения, случившегося в следующую после трагедии субботу, когда вдовец Ксиус рассказал алькальду, что он видел, как светящаяся птица летает над его прежним домом; вдовец полагал, что то была душа его супруги, требовавшей вернуть ей имущество. Алькальд хлопнул себя по лбу, но жест этот не имел ничего общего с видением Ксиуса.

— Черт побери! — воскликнул он. — Я совсем забыл об этом бедняге!

Он поднялся на холм в сопровождении полицейского патруля и

обнаружил перед домом автомобиль с открытым верхом, заметил и одинокий свет в спальне, но на призывы его никто не отозвался. Тогда взломали боковую дверь и обошли комнаты, освещенные ущербным из-за затмения лунным светом. «Казалось, все, все в доме находилось под водой», — рассказывал мне алькальд. Байярдо Сан Роман лежал без сознания на кровати в том самом виде, в каком его видела Пура Викарио на заре вторника — в тропической расцветки брюках, шелковой рубашке, но без туфель. На полу стояли пустые бутылки, еще больше нераспечатанных валялось у постели, однако следов еды не было. «Он находился в крайней стадии алкогольного отравления», — сказал мне доктор Дионисио Игуаран, который срочно прибыл к нему. Однако через несколько часов Байярдо Сан Роман пришел в себя и, обретя рассудок, выгнал всех из дома, употребив при этом сильнейшие выражения, на какие был способен.

— И пусть никто ко мне не суется, так и переездак вас всех, — сказал. — Даже старый хрыч, мой папаша-ветеран.

Тревожной телеграммой алькальд сообщил о случившемся генералу Петронио Сан Роману, дословно включив и последнюю фразу. Видимо, генерал Сан Роман буквально воспринял слова сына, ибо сам к нему не поехал, а отправил за ним жену, двух дочерей и, кроме того, двух перезрелых дам, скорее всего своих сестер. Женщины прибыли на грузовом судне, до ушей закутанные в траур и с распущенными волосами по случаю несчастья, происшедшего с Байярдо Сан Романом. Еще не ступив на твердую землю, они сбросили туфли и босиком прошли до холма по раскаленному от солнечного зноя песку, выдирая на голове пряди волос и рыдая так пронзительно, что вопли их скорее казались криками радости. Я наблюдал за ними, стоя на балконе дома Магдалены Оливер, и, помню, еще подумал тогда, что такая скорбь может быть только притворной, дабы скрыть другой, еще больший, позор.

Полковник Ласаро Апонте сопровождал женщин до холма; позже верхом на муле, на котором выезжал по срочным вызовам, туда же поднялся доктор Дионисио Игуаран. Когда зной спал, два служащих муниципалитета снесли в гамаке, подвешенном к двум палкам, Байярдо Сан Романа; он был с головой накрыт одеялом, и за ним следовала свита плакальщиц. Магдалена Оливер подумала, что он умер.

— Разрази господь! — воскликнула она. — Какая потеря!

Но Байярдо Сан Роман был опять пьян, мертвецки пьян — трудно было поверить, что он еще жив: его правая рука волочилась по земле, и как только мать ни укладывала ее в гамак, она вновь свешивалась, оставляя на земле след, начинавшийся у самого обрыва и кончавшийся у причала. Это

единственное, что осталось в памяти от него, — воспоминание о жертве.

Дом они оставили нетронутым. Ночами кутежей во время каникул мы с братьями поднимались на холм, и обследовали дом, и каждый раз обнаруживали, что в покинутых апартаментах ценных вещей становилось все меньше. Однажды нам попался на глаза тот саквояж, который по просьбе Анхелы Викарио прислала ей мать в первую брачную ночь, но не придали находке никакого значения. Содержимое его казалось вполне естественным — женские предметы туалета и гигиены, подлинное их назначение я узнал много позже, когда Анхела Викарио рассказала мне о всех ухищрениях, которым ее обучили кумушки, чтобы обмануть мужа. Саквояжик был единственным следом, который она оставила в доме, бывшим ее семейным очагом всего на пять часов.

Много лет спустя, когда я вернулся в поисках последних свидетельств для этой хроники, уже не осталось ничего, что составляло счастье Йоланды Ксиус. Несмотря на упорные попытки полковника Ласаро Апонте следить за домом, вещи из него постепенно исчезали, в том числе и буфет с шестью зеркалами в рост человека, который искусные мастера Момпоса вынуждены были собирать в комнате, ибо он не проходил в дверь. Вначале вдовец Ксиус был счастлив, ибо считал, что исчезновения эти — дело рук его супруги, стремившейся унести то, что ей принадлежало. Полковник Ласаро Апонте издевался над ним. Но однажды ночью ему пришло в голову провести сеанс спиритизма в надежде выяснить все, и душа Йоланды де Ксиус лично подтвердила ему, что именно она уносила для своего дома в загробном мире безделушки времен ее счастья. Дом начал разваливаться. Свадебный автомобиль рассыпался перед воротами, и в конце концов от него остался лишь проржавевший от непогоды кузов. О его владельце ничего не было известно долгие годы. В протоколе имелось его заявление, но оно было настолько кратким и сбивчивым, что создавалось впечатление, будто его настроили в последнюю минуту, чтобы никто не обвинял в нарушении необходимых формальностей. 23 года спустя, в тот единственный раз, когда я пытался поговорить с ним, Байярдо Сан Роман встретил меня несколько агрессивно и наотрез отказался сообщить хоть какой-то факт, который позволил бы пролить свет на его участие в драме. Впрочем, и его родители знали об этом еще меньше нашего и совершенно не понимали, почему сын забрался в столь захолустный городок без какого-либо иного — на первый взгляд — повода, кроме желания жениться на женщине, которую он никогда не видел.

Зато об Анхеле Викарио я постоянно получал краткие вести, которые и подтолкнули меня создать некий идеализированный образ. Моя сестра-

монахиня некоторое время бродила по северной части Гуахиры, пытаясь обратить в истинную веру последних идолопоклонников, и обычно останавливалась у Анхелы Викарио побеседовать — в одном из селений, на которые наступали соленые волны Карибского моря, мать пыталась заживо похоронить свою дочь. «Привет тебе от кухни», — говорила мне всегда сестра. Маргот, моя другая сестра, также посещавшая Анхелу Викарио в первые годы, рассказала мне, что они купили солидный дом с просторным двором, открытым всем ветрам, и что их единственной заботой были ночи морских приливов, ибо тогда из уборных извергались нечистоты, а по утрам в спальнях прыгали рыбы. Все, кто видел Анхелу Викарио в ту пору, сходились на том, что она увлеклась машинной вышивкой, стала великой мастерицей в этом деле и с помощью своего ремесла достигла покоя и забвения.

Много лет спустя, когда все было как-то неопределенно и когда я пытался хоть как-то разобраться в себе, а пока занимался продажей энциклопедий и книг по медицине в деревнях Гуахиры, случайно я забрел в индейское селение. В окне дома у моря в самый знойный час я увидел за швейной машинкой женщину; она была в легком трауре, на лице — очки в металлической оправе, в волосах — желтоватая седина; над головой ее висела клетка с непрерывно певшей канарейкой. Увидев ее в идилическом обрамлении окна, я не хотел верить, что это именно та женщина, которую я создал в своем воображении, даже отказывался признать, что жизнь в конце концов может так сильно походить на плохой роман. Но то была она — Анхела Викарио, 23 года спустя после драмы.

Она отнеслась ко мне как обычно, будто к далекому родственнику, и на мои вопросы отвечала продуманно, не без чувства юмора. Она была настолько зрелой и мудрой, что трудно было поверить — неужели передо мной та же Анхела Викарио. Более всего меня потрясло то, как она в конце концов оценивала свою жизнь. Через несколько минут она уже не казалась мне столь постаревшей, как вначале, — наоборот, она выглядела почти такой же юной, какой оставалась в моих воспоминаниях, в ней не было ничего общего с той, которую в двадцать лет вынудили выйти замуж без любви. Ее мать-старуха, которую уже трудно было понимать, встретила меня как непостижимого призрака. Она отказалась вспоминать былое, и для данной хроники мне пришлось удовлетвориться отдельными из брошенных ею фраз в беседах с моей матерью и еще немногими, что я откопал в собственных воспоминаниях. Старуха сделала все возможное, чтобы Анхела Викарио умерла заживо, но дочь помешала ей, никогда не делая тайны из своего злосчастного приключения. Напротив, каждому, кто

хотел услышать, она рассказывала историю со всеми подробностями, за исключением тайны, которая так и осталась нераскрытой: кто же был подлинным виновником ее падения, как это произошло и когда, ибо никто не верил, что им мог быть Сантьяго Насар.

Они принадлежали к двум разным мирам. Их никто никогда не видел вместе, тем более наедине. Сантьяго Насар был слишком высокомерен, чтобы обратить на нее внимание. «Твоя кузина — дурочка», — говорил он мне, когда ему приходилось упоминать о ней. К тому же он был ястребом-куроедом, как мы тогда выражались. Так же как и отец, он бродил в одиночку по горам, нещадно обрывая едва завязавшийся плод — любую девицу, появившуюся в округе; однако в городке были известны лишь две его связи: довольно формальная с Флорой Мигель и страстная, доводившая его до безумия вот уже четырнадцать месяцев, с Марией Алехандриной Сервантес. Наиболее распространенной в силу своей хитроумности, видимо, была следующая версия: Анхела Викарио защищала того, кого она в самом деле любила, а назвала имя Сантьяго Насара, поскольку никак не думала, что ее братья могут пойти против него. Я сам пытался вырвать у нее эту истину во время моего второго посещения, высказав ей все приведенные в логический порядок аргументы, но она лишь подняла взгляд от вышивки и сразу опровергла их.

— Не старайся более, братец, — сказала она мне. — Это был он.

Не умолчав ни слова, она рассказала обо всем остальном, вплоть до происшествия в брачную ночь. Рассказала, что подружки научили ее напоить мужа до потери сознания, подсказали сыграть в излишнюю стыдливость и заставить его погасить свет, обучили, как сделать себе ужасающее промывание квасцами, что позволило бы ей притвориться девственницей, как запачкать простыни, чтобы повесить для показа на следующее утро в своем дворе. Однако советчицы Анхелы Викарио не учли двух обстоятельств: необыкновенную закаленность по части напитков Байярдо Сан Романа и духовную чистоту ее, которая скрывалась под внешней глуповатостью — порождением предрассудков. «Я не сделала ничего из того, что мне советовали, — сказала она мне, — потому что, чем дальше я думала, тем больше понимала, что все это свинство и так низко нельзя поступать ни с кем, тем более с беднягой, которого, к несчастью, угораздило на мне жениться». Короче, без всяких маневров она позволила раздеть себя в освещенной спальне, не испытывая уже никакого страха, который и так изуродовал ее жизнь. «Все было очень просто, — сказала она мне, — я была готова к смерти».

Она рассказывала о своем несчастье без всякого стыда, чтобы скрыть

другое — подлинное, сжигавшее ее. Невозможно было даже предположить, пока она не решилась со мной поделиться, что Байярдо Сан Роман навсегда остался в ее жизни с минуты водворения ее в дом родителей. Для нее это был смертельный удар. «Когда мать начала меня бить, я вдруг вспомнила о нем», — сказала она мне. Удары перестали быть столь ощутимыми — она знала, что получает их за него. Лежа на диване в столовой и всхлипывая, она продолжала думать о нем и удивлялась самой себе. «Я плакала не от боли, не из-за того, что произошло, — сказала она мне. — Я плакала о нем». Она продолжала думать о нем и когда мать прикладывала ей к лицу примочки из арники и тем более когда услышала крики на улице и набат как при пожаре, и тут вошла Пура Викарио и сказала ей, что теперь она может спать спокойно — самое страшное уже произошло.

Долго и без всяких надежд она вспоминала о Байярдо Сан Романа, пока ей не пришлось сопровождать мать на обследование к главному врачу в больницу Риоачи. Мимоходом они зашли в «Гостиницу Порты», с хозяином которой были знакомы, и Пура Викарио попросила в баре стакан воды. Она стояла спиной к дочери и пила воду, и вдруг Анхела Викарио увидела предмет своих мыслей, отраженным в многочисленных зеркалах салона. С перехваченным дыханием она повернула голову и увидела, как он прошел совсем рядом, не заметив ее, как он вышел из гостиницы. С совершенно разбитым сердцем она посмотрела на мать. Пура Викарио закончила пить, отерла рукавом губы и улыбнулась ей от стойки бара, сияя новыми очками. И впервые в жизни Анхела Викарио увидела мать такой, какой она была на самом деле: несчастной женщиной, посвятившей себя культу собственных недостатков. «Дерьмо», — сказала про себя Анхела Викарио. Она была настолько потрясена, что проделала обратный путь, распевая во весь голос, а потом бросилась в постель и проплакала три дня.

Она родилась заново. «Я обезумела от любви к нему, — сказала она мне, — окончательно помешалась». Достаточно ей было закрыть глаза — и она видела его; она слышала его дыхание в рокоте моря, жар его тела в постели будил ее в полночь. Лишившись покоя, под конец недели она написала Байярдо Сан Роману первое письмо. То была очень короткая записка, она сообщала в сдержанных выражениях, что видела, как он выходил из гостиницы, и что ей было бы приятно, если бы он тоже ее заметил. Ответа она ждала безуспешно. Через два месяца, устав от ожидания, она отправила ему второе письмо, написанное в том же завуалированном стиле, что и первое, единственной целью которого, казалось, было стремление упрекнуть его за невежливость. Шесть месяцев спустя она написала ему еще шесть писем, и все они остались без ответа,

но она была удовлетворена, убедившись, что он их получает.

Впервые в жизни став хозяйкой своей судьбы, Анхела Викарио открыла для себя, что любовь и ненависть — страсти взаимосвязанные. Чем больше писем она отправляла ему, тем сильнее разгоралась ее любовная лихорадка, но еще больше ее согревало чувство злорадства. «У меня все нутро переворачивалось, когда я видела мать, — сказала мне Анхела Викарио, — но я не могла смотреть на нее, не вспоминая его». Ее жизнь замужней женщины, возвращенной родителям, была такой же нехитрой, как и та, что она вела в девушках: вышивание с подругами, только раньше она мастерила из лоскутков ткани тюльпаны и из клочков бумаги птиц. Когда мать ложилась, Анхела Викарио запиралась в комнате и до зари писала письма, обреченные на забвение. Она стала разумной и властной хозяйкой своих желаний, вновь — и только ради него — словно стала девственницей и не признавала иной силы, кроме собственной, не знала иного ига, кроме своей страсти.

Половину своей жизни она каждую неделю писала ему. «Иногда я даже не знала, о чем писать, — говорила она мне, задыхаясь от смеха, — но мне достаточно было знать, что он получает мои послания». Сначала то были краткие записки помолвленной, потом — надушенные письмеца нежной невесты, весточки тайной любовницы, деловые послания, свидетельства любви и, наконец, негодующие письма покинутой супруги, придумывающей себе самые страшные болезни, чтобы заставить его вернуться. Однажды ночью, находясь в веселом настроении, она пролила чернила на уже законченное письмо и вместо того, чтобы разорвать его, приписала: *«В доказательство моей любви посылаю тебе слезы»*. Иногда, устав плакать, она издевалась над собственным безумием. Единственное, что ей не приходило в голову, — это отречься. А он, несмотря ни на что, казался равнодушным к ее горячке.

На десятый год однажды на рассвете, когда задували все ветры, она проснулась от ощущения, что он лежит обнаженным в ее постели. Тогда она написала ему лихорадочное письмо на двадцати страницах, в котором, отбросив стыд и смущение, высказала ему все горькие и ржавые истины, что копились в ее сердце с той самой злосчастной ночи. Она рассказала ему о тех вечных язвах, что он оставил на ее теле, о соли его уст, об огненном вихре его африканской плоти. Письмо она вручила служащей почты, которая вечерами по пятницам приходила к ним вышивать и забирала у нее корреспонденцию; Анхела Викарио решила, что этот всплеск будет последним в ее агонии. После она уже не соображала ни что она пишет, ни к кому адресует, но продолжала писать без устали еще семнадцать лет.

Это случилось в августовский полдень. Анхела Викарио вышивала вместе с подругами, когда услышала, что кто-то подошел к двери. Ей не надо было смотреть — кто это, она уже знала, что это он. «Он был толстым, начинал лысеть, и ему требовались очки, чтобы видеть вблизи, — сказала она мне. — Но то был он, черт побери! Он!» Она испугалась, понимая, что он видит ее столь же постаревшей, как и она его, к тому же она не верила, что в нем кроется столько же любви, сколько в ней, чтобы вынести все. На нем была промокшая от пота рубашка — таким она увидела его впервые на ярмарке, — тот же пояс, в руках он держал те же кожаные, но уже потрепанные сумы с серебряными украшениями. Байардо Сан Роман, не обращая внимания на застывших в изумлении вышивальщиц, сделал шаг вперед и положил свои сумы на швейную машинку.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Вот и я.

У него был чемодан с бельем и второй такой же чемодан, где лежали почти две тысячи написанных ею писем. Они были подобраны по датам, сложены в пачки, перевязаны ленточками и все — нераспечатаны.

Многие годы мы не могли говорить ни о чем другом. Наша ежедневная жизнь, до той поры определяемая будничными привычками, неожиданно закрутилась вокруг события, находившегося в центре внимания окружающих. Петушиный крик на заре заставлял нас бодрствующими в попытках свести к единому знаменателю случайности, позволившие нелепости превратиться в реальность; всем было очевидно, что мы поступали так не из стремления выявить тайну, а лишь потому, что никто из нас не мог жить далее, не определив точно, каково же было место и роль, уготованные судьбой каждому.

Многие так и не узнали этого. Кристо Бедойя, ставший известным хирургом, никогда не мог себе объяснить, почему он уступил своему первоначальному намерению и просидел два часа, ожидая епископа, в доме деда и бабки, вместо того чтобы отдохнуть у родителей, которые ждали его на рассвете, чтобы предупредить о готовящемся преступлении. Однако большинство из тех, кто мог что-то сделать, чтобы помешать убийству, и тем не менее ничего не сделал, утешали себя мыслью, что вопросы чести священны и касаться их могут лишь те, кто причастен к драме. «Честь — это любовь», — слышал я слова моей матери. Ортенсия Бауте, чье участие в этой истории сводилось лишь к тому, что она видела два окровавленных ножа, которые к тому же в тот момент еще не были покрыты кровью, была так потрясена этой галлюцинацией, что впала в кризис самобичевания и

однажды, не выдержав более этого состояния, выбросилась голой на мостовую. Флора Мигель, невеста Сантьяго Насара, назло всем убежала с лейтенантом-пограничником, который сделал из нее проститутку и торговал ею среди сборщиков каучука Вичады. Аура Вильерос, повитуха, помогавшая при родах трех поколений, узнав о смерти Сантьяго Насара, почувствовала спазм мочевого пузыря и до смерти мочилась только с помощью трубки. Дон Рохелио де ла Флор, добрый супруг Клотильде Арменты, в свои 86 лет являвший чудо долголетия, в последний раз поднялся на ноги, чтобы увидеть, как четвертовали Сантьяго Насара у запертой двери собственного дома, и не смог пережить этого волнения. Пласида Линеро, которая заперла эту дверь в последний момент, вовремя освободила себя от всякой вины. «Я заперла ее потому, что Дивина Флор поклялась мне, будто она видела, как мой сын входил в дом, — сказала она мне, — но это была неправда». Однако Пласида Линеро никогда не могла себе простить, что спутала доброе предзнаменование о деревьях со зловещим предзнаменованием о птицах, после чего впала в опасную привычку своего времени — жевать семена кардамона.

Двенадцать дней спустя после того, как преступление свершилось, следователь нашел весь городок в лихорадочном состоянии. Он сидел в грязном деревянном здании муниципалитета и пил заваренный в кастрюле кофе с ромом из сахарного тростника — чтобы отгонять видения, порождаемые зном. Ему пришлось вызвать подкрепление солдат, чтобы удержать толпу людей, даже без вызова бросившихся давать показания в жажде продемонстрировать собственное значение в происшедшей трагедии. Следователь только что защитил диплом и был еще одет в черный суконный костюм юридического института, на руке — кольцо с эмблемой его выпуска; все в нем выражало гордость и вдохновение счастливого начинающего. Однако имя его так и осталось неизвестным. Все, что мы знаем о его характере, было извлечено из составленного им протокола, который двадцать лет спустя после преступления мне помогли найти многочисленные лица во Дворце правосудия Риоачи. В архивах не существовало никакой системы; более века на полах развалившегося здания колониальной эпохи, которое некогда двое суток служило штабом Френсису Дрейку^[11], горами лежали папки с делами. Морские приливы заливали нижний этаж, и разорванные тома плавали по пустынным кабинетам. Я сам много раз бродил по щиколотку в воде в этом озере потеранных происшествий, и только случайность помогла мне пять лет спустя выловить 322 просоленные морской водой страницы из тех 500, составлявших дело.

Имя следователя так и не появилось ни на одной из страниц, но было очевидным, что он — человек, снедаемый страстью к литературе. Без сомнения, он читал испанских и некоторых латинских классиков, хорошо знал Ницше — в то время модного автора среди юристов. Заметки на полях — и не только по цвету чернил — казались написанными кровью. Следователь был настолько обескуражен загадкой, поставленной перед ним судьбой, что очень часто допускал лирические отступления, несовместимые со строгостью его профессии. Особенно неестественным ему казалось то, что жизнь придумала столько случайностей, обычно запрещаемых для литературы, чтобы без помех наступила столь широко объявленная смерть. Но более всего — это было уже в конце его изнурительного расследования — тревожил следователя тот факт, что он не нашел мало-мальски правдоподобного доказательства тому, что Сантьяго Насар действительно был первопричиной всей этой страшной истории. Подруги Анхелы Викарио, соучастницы ее обмана, еще долгое время рассказывали, что она раскрыла им свою тайну до свадьбы, но не сообщила никакого имени. Для протокола они заявили: «Она рассказала нам о чуде, но не о святом». Анхела Викарио, со своей стороны, занимала ту же позицию. Когда следователь в присущей ему уклончивой манере спросил ее, знает ли она, кто был покойный Сантьяго Насар, она бесстрастно ответила:

— Он был моим автором.

Так это и записано в деле, без всяких иных уточнений — обстоятельств и места происшествия. В ходе суда, длившегося всего три дня, представитель адвокатуры от потерпевшей стороны особенно упирал на зыбкость данного обвинения. Растерянность следователя в связи с отсутствием улик против Сантьяго Насара была так велика, что проделанная им огромная работа иногда казалась исковерканной от отчаяния. Так, на странице 416 красными чернилами аптекаря своей собственной рукой он вывел на полях следующую пометку: *«Дайте мне предрассудок, и я переверну весь мир»*. Под этим парафразом отчаяния теми же кровавого цвета чернилами он изобразил одним радостным штрихом сердце, пронзенное стрелой. Для него, как и для самых близких друзей Сантьяго Насара, поведение жертвы в последние предсмертные часы являлось безусловным доказательством ее невинности.

Действительно, в утро своей смерти Сантьяго Насар, несмотря на то что прекрасно знал, какова цена надругательства, вменяемого ему в вину, не ощущал никаких опасений. Он, хорошо знавший ханжескую природу окружающего его мира, должен был понимать, что бесхитростная душа

каждого близнеца не способна устоять против оскорбления. Никто хорошо не знал Байярдо Сан Романа, но Сантьяго Насар достаточно был знаком с ним, чтобы понимать: под светскими манерами в нем, как и в любом другом, скрывается раб извечных предрассудков. Таким образом сознательная беспечность для Сантьяго Насара являлась бы самоубийством. Кроме того, когда в последний момент он узнал, что братья Викарио ждут его, чтобы убить, его реакция выразилась не в панике, как об этом много говорилось, а скорее в растерянности невинного.

Мое личное мнение таково: Сантьяго Насар умер, не осознав своей смерти. Он пообещал моей сестре Маргот позавтракать у нас, после чего Кристо Бедойя увел его под руку на мол, и оба выглядели столь беспечно, что вызвали у окружающих напрасные надежды. «Они шли такие веселые, — сказала мне Меме Лоаиса, — что я возблагодарила Бога, решив, что дело улажено». Естественно, не все уж так любили Сантьяго Насара. Поло Каррильо, владелец электростанции, считал, что спокойствие Сантьяго Насара объясняется не его невинностью, а его цинизмом. «Он считал, что деньги делают его неуязвимым», — сказал он мне. Фауста Лопес, его супруга, добавила: «Как и все турки». Индалесио Пардо зашел в лавку Клотильде Арменты, и близнецы заявили ему, что, как только епископ уедет, они убьют Сантьяго Насара. Как и многие другие, он решил, что эти слова — бред непрспавшихся, но Клотильде Армента подтвердила, что это правда, и просила найти Сантьяго Насара и предупредить его.

— Не утруждайся, — сказал Педро Викарио, — в любом случае считай его уже покойником.

Вызов слишком очевидный. Близнецам было известно о дружбе между Индалесио Пардо и Сантьяго Насаром, и, видимо, они считали его подходящим человеком, который мог предупредить преступление и при этом смыть с них позор. Но Индалесио Пардо встретил Сантьяго Насара в обнимку с Кристо Бедойей в толпе людей, покидавших порт, и не решился предупредить его. «С меня уже сошел пыл», — сказал он мне. Он хлопнул по плечу каждого из юношей, и они пошли дальше. Оба едва заметили Индалесио Пардо, так как были погружены в подсчеты стоимости свадьбы.

Люди расходились, направляясь, как и они, к площади. Толпа была достаточно густой, но Эсколастике Сиснерос показалось, что два друга продвигались вперед без всяких затруднений — вокруг них образовалась пустота, все знали, что Сантьяго Насар обречен умереть, и не осмеливались касаться его. Кристо Бедойя также вспоминает, что отношение к ним было странное. «На нас смотрели так, будто у нас размалеваны лица», — сказал

он мне. Сара Нориега открывала свою обувную лавку, когда они проходили мимо, и испугалась бледности Сантьяго Насара.

— Подумать только, дорогая Сара! — сказал он ей, не останавливаясь. — Ну и похмелье!

Селесте Дангонд сидела в пижаме перед своим домом, издеваясь над теми, кто вырядился встречать епископа, и пригласила Сантьяго Насара выпить кофе. «Я сделала это, чтобы выиграть время и обдумать положение», — сказала она мне. Но Сантьяго Насар ответил ей, что торопится переодеться, так как приглашен к завтраку к моей сестре. «Я растерялась, — объяснила мне Селесте Дангонд. — Мне показалось, что не могут его убить, коль скоро он так уверен в том, что собирается делать», Джамиль Шайюм был единственным, кто поступил так, как решил заранее. Когда до него дошел слух, он тут же вышел к дверям своей лавки тканей и стал ждать Сантьяго Насара, чтобы предупредить его. Он был одним из последних арабов, которые приехали с Ибрагимом Насаром, был его партнером по картам до смерти последнего и продолжал по традиции оставаться советчиком семьи друга. Ни у кого не было столько оснований беседовать с Сантьяго Насаром, как у Джамиле Шайюма. Однако он подумал, что если слух ложен, то он лишь напрасно взволнует Сантьяго Насара, и предпочел вначале посоветоваться с Кристо Бедойей — а может, он лучше информирован? Когда друзья проходили мимо, он позвал его. Кристо Бедойя хлопнул по спине Сантьяго Насара — это уже было на углу площади — и подошел к Джамиле Шайюму.

— До субботы, — сказал он на прощание.

Сантьяго Насар не ответил, он как раз обратился по-арабски к Джамиле Шайюму, и последний тоже по-арабски произнес что-то, скорчившись от смеха. «То была игра слов, которой мы всегда развлекались», — сказал мне Джамиль Шайюм. Сантьяго Насар, не останавливаясь, прощально махнул обоим и свернул за угол на площадь. Они видели его в последний раз.

Едва Кристо Бедойя выслушал Джамиле Шайюма, как тотчас же выскочил из лавки догонять Сантьяго Насара. Он видел, как друг завернул за угол, но не нашел его среди тех, кто расходился по площади. Несколько человек, у которых он спрашивал о Сантьяго Насаре, ответили ему одинаково:

— Я только что видел его с тобой.

Кристо Бедойе показалось невозможным, что Сантьяго Насар так быстро дошел до дома, но он решил все же войти и спросить о нем, тем более что парадный вход был не заперт и дверь только прикрыта. Не

заметив в сумраке записки на полу и стараясь не шуметь, так как для визитов время было раннее, он пересек гостиную; в глубине дома зашумели встревоженные собаки и выбежали к нему. Он успокоил их звяканьем ключей, чему научился у хозяина дома, и, сопровождаемый сворой, прошел на кухню. В коридоре столкнулся с Дивиной Флор, которая тащила ведро и швабру мыть полы в гостиной. Она заверила его, что Сантьяго Насар не вернулся. Кристо Бедойя вошел в кухню, когда Виктория Гусман ставила на огонь жаркое из кроликов. Она немедленно все поняла. «Он задышался», — сказала она мне. Кристо Бедойя спросил у нее, дома ли Сантьяго Насар, и она с напускным радушием ответила, что он еще не приходил спать.

— Дело серьезное, — сказал ей Кристо Бедойя. — Его ищут, чтобы убить.

— Эти несчастные парни никого не убьют, — возразила она.

— Они пьют уже с субботы, — настаивал Кристо Бедойя.

— Именно поэтому, — заявила она, — нет пьяницы, который жрал бы собственное дерьмо.

Кристо Бедойя вернулся в гостиную, где Дивина Флор только что открыла окна. «Совершенно точно, дождя не было, — сказал мне Кристо Бедойя. — Время шло к семи часам, и в окнах сияло золотое солнце». Он опять спросил Дивину Флор, уверена ли она, что Сантьяго Насар не вошел в дом через дверь гостиной. На этот раз она не была столь уверенной, как в первый. Он спросил ее о Пласиде Линеро, и девушка ответила, что минуту назад поставила ей на ночной столик кофе, но будить не стала. Так было всегда: Пласида Линеро вставала в семь, выпивала кофе и спускалась отдать указания относительно обеда. Кристо Бедойя взглянул на часы — было 6.56 утра. Тогда он поднялся на второй этаж — еще раз убедиться, что Сантьяго Насар не вернулся.

Дверь в спальню была заперта изнутри, потому что Сантьяго Насар вышел через комнату матери. Кристо Бедойя не только знал этот дом так же хорошо, как свой собственный, но и пользовался полным доверием семьи, поэтому он толкнул дверь в спальню Пласиды Линеро, чтобы пройти через нее в соседнюю комнату. Через верхнее оконце проникал пыльный солнечный луч; в гамаке, положив под щеку руку невесты, на боку спала прекрасная женщина, и образ ее был призрачным. «Она была как видение», — сказал мне Кристо Бедойя. Минуту он смотрел на нее, потрясенный ее красотой, а потом тихо пересек спальню, прошел вдоль ванной комнаты и вошел в спальню Сантьяго Насара. Кровать была нетронутой, на кресле висел отутюженный костюм для верховой езды,

поверх него — шляпа для всадника, на полу лежали шпоры, стояли высокие сапоги. На ночном столике ручные часы Сантьяго Насара показывали 6.58. «Я вдруг подумал, что он мог прийти и вновь уйти с оружием», — сказал мне Кристо Бедойя. Но в ящике столика он обнаружил «магнум». «Я никогда не стрелял, — рассказывал мне Кристо Бедойя, — но на этот раз решил взять пистолет и отнести его Сантьяго Насару». Он засунул оружие за пояс под рубашку и только уже после того, как преступление было совершено, обнаружил, что пистолет не заряжен. В момент, когда он закрывал ящик, в дверях с чашечкой кофе в руках появилась Пласида Линеро.

— Бог мой! — воскликнула она. — Как ты меня испугал!

Кристо Бедойя тоже испугался. Он увидел ее в ярком свете, в халате, затканном золотистыми жаворонками, со спутанными волосами, и очарование исчезло. В растерянности он пояснил, что вошел сюда в поисках Сантьяго Насара.

— Он ушел встречать епископа, — сказала Пласида Линеро.

— Епископ проплыл мимо, — ответил он.

— Как и следовало полагать, — сказала она. — Хуже сукиного сына!

Она оборвала себя, почувствовав, что Кристо Бедойя не знал, куда себя деть. «Пусть Бог простит меня, — сказала мне Пласида Линеро, — но он был так растерян, что мне пришла в голову мысль о воровстве». Она спросила Кристо Бедойю, что с ним происходит. Он понимал щекотливость своего положения, но у него не хватило мужества сказать ей правду.

— Я просто не спал ни минуты, — сказал он.

Кристо Бедойя ушел без дальнейших объяснений. «Она всегда считала, что ее обворовывают», — сказал он мне. На площади он встретил падре Амадора, который возвращался в церковь со всеми аксессуарами для так и не состоявшейся мессы, однако решил: единственное, что может сделать священник для Сантьяго Насара, — это спасти его душу. Кристо Бедойя вновь направился к порту и тут услышал, что его зовут из лавки Клотильде Арменты. В дверях стоял Педро Викарио, бледный и растрепанный, в расстегнутой рубаше с закатанными до локтей рукавами и с самодельным грубым тесаком из ножовки. Его поведение казалось слишком вызывающим, чтобы быть случайным, и все же его действия не были решающими среди всего, что в последние минуты могло бы предупредить преступление.

— Кристобаль! — прокричал Педро Викарио. — Скажи Сантьяго Насару, что мы ждем его здесь, чтобы убить.

Кристо Бедойя сделал бы большую услугу братьям, если бы не

позволил им этого совершить. «Умей я стрелять из пистолета, Сантьяго Насар был бы жив», — сказал он мне. Но одна мысль о выстреле потрясла его, настолько он был наслышан о могучей уничтожающей силе свинцовой пули.

— Предупреждаю, что он вооружен «магнумом», способным продырявить автомобиль, — крикнул он.

Педро Викарио знал, что это неправда. «Он никогда не носил оружия, если не был одет для верховой езды», — сказал он мне. И все же он предусмотрел, что Сантьяго Насар может быть при оружии, когда принял решение смыть пятно с чести своей сестры.

— Мертвые не стреляют, — крикнул он.

В этот момент в дверях появился Пабло Викарио. Он был так же бледен, как и брат, и так же, как и брат, в праздничном суконном пиджаке, в котором был на свадьбе, в руках он держал нож, завернутый в газету. «Если бы не этот случай, — сказал мне Кристо Бедойя, — я так и не узнал бы никогда, который из них кто». Позади Пабло Викарио появилась Клотильде Армента и закричала Кристо Бедойе, чтобы он торопился, ибо в этом городишке женоподобных подонков только мужчина, как он, может помешать трагедии.

Все, что произошло после этого, стало достоянием широкой публики. Люди, возвращавшиеся из порта, привлеченные криками, потянулись занимать места на площади, дабы присутствовать при совершении преступления. Кристо Бедойя спросил у нескольких знакомых о Сантьяго Насаре, но никто его не видел. В дверях Светского клуба он увидел полковника Ласаро Апонте и рассказал ему о том, что произошло только что перед лавкой Клотильде Арменты.

— Этого не может быть, — сказал полковник Апонте, — потому что я их отправил спать.

— А я только что видел их с резаками мясников, — возразил Кристо Бедойя.

— Не может того быть, потому что я отобрал у них ножи, прежде чем отправить их проспать, — настаивал алькальд. — Наверное, ты видел их до этого.

— Я видел их две минуты назад, и у каждого было по ножу, — ответил Кристо Бедойя.

— Черт побери! — воскликнул алькальд. — Значит, они вернулись с другими ножами.

Он пообещал немедленно заняться этим делом, но тут же вернулся в клуб затвердить партию в домино на вечер, а когда вышел, убийство уже

свершилось. Кристо Бедойя допустил единственную, но роковую ошибку: он решил, что в последний момент Сантьяго Насар, не сменив одежды, пошел завтракать в наш дом. Кристо Бедойя шел быстрым шагом по берегу реки и у каждого встречного спрашивал, не видел ли он Сантьяго Насара, но никто не мог толком ответить. Он не беспокоился этим, так как к нашему дому вели несколько дорог. Тут к нему обратилась Просперо Аранго, нищенка, умоляя сделать что-либо для ее отца, умиравшего в сарае, несмотря на скоропалительное благословение епископа. «Проходя мимо, я видела старика, — сказала мне сестра Маргот, — у него уже было лицо покойника». Кристо Бедойя задержался ровно на четыре минуты, помогая Просперо Аранго донести отца до кровати. Когда он вышел, то услышал далекие крики, и ему показалось, что там, где находилась площадь, взорвались петарды. Он попытался бежать, но плохо прилаженный пистолет мешал ему. Завернув за последний угол, он узнал в спину мою мать, которая силком волокла младшего сына.

— Луиса Аранго! — крикнул он ей. — Где твой крестник?

Моя мать едва повернула к нему лицо, залитое слезами.

— Ах, сынок! — ответила она. — Говорят, его убили.

Так оно и было. В то время как Кристо Бедойя искал его, Сантьяго Насар зашел в дом своей невесты Флоры Мигель, который находился как раз за тем углом, где его последний раз видел друг. «Мне и в голову не пришло, что он там, — сказал он мне, — потому что это семейство никогда не поднималось раньше полудня». Было общеизвестно, что по приказанию Наира Мигеля, ученого мужа общины, вся его семья спала до двенадцати часов дня. «Поэтому Флора Мигель, которую и в двух водах не проваришь, выглядела как свежая роза», — говорила Мерседес. На самом же деле, как и во многих других семьях общины, здесь вставали очень рано, и все были трудолюбивы, но двери до полудня держали на запоре. Родители Флоры Мигель и Сантьяго Насара давно договорились о браке между детьми, Сантьяго Насар был помолвлен, будучи еще ребенком, теперь он уже готов был выполнить свой долг, возможно, еще и потому, что о браке у него было столь же утилитарное представление, как и у его отца. Флора Мигель отличалась цветущим видом, но была лишена и изящества, и обаяния и на всех свадьбах своего поколения выступала посаженной матерью, так что обручение с Сантьяго Насаром было для нее выходом, ниспосланным провидением. Пребывание в роли жениха было очень легким — без официальных визитов, без сердечного трепета. Несколько раз перенесенная свадьба была, наконец, намечена на ближайшее Рождество.

В тот понедельник Флора Мигель поднялась с первыми гудками

епископского корабля и уже вскоре после этого узнала, что близнецы Викарио ждут Сантьяго Насара, чтобы убить его. Моей сестре-монахине, единственной, с кем она говорила после несчастья, Флора Мигель сказала, что не помнит, кто ей об этом сообщил. «Я только помню, что к шести утра все знали об этом», — сказала она ей. Девушке показалось немыслимым, что Сантьяго Насара намерены убить, однако ей пришло в голову, что теперь его женят на Анхеле Викарио, чтобы восстановить честь последней. От унижения она забилась в припадке. Она рыдала от ярости в своей спальне, приводя в порядок ящик с письмами Сантьяго Насара, которые он присылал ей из школы, а в это время половина городка ожидала епископа.

Проходя мимо дома Флоры Мигель, Сантьяго Насар всегда, даже если здесь никого не было, проводил ключами по металлическим жалюзи на окнах. Она ждала его в тот день с сундучком его писем на коленях. Сантьяго Насар не мог с улицы видеть ее, но Флора Мигель через сетку видела его подходившим к дому и слышала его еще до того, как он коснулся металла ключами.

— Входи, — сказала она ему.

Никто, даже врач, не входил в этот дом в 6.45 утра. Только что Сантьяго Насар оставил Кристо Бедойю в лавке Джамиля Шайюма, к тому же столько народа ждало его на площади — просто невозможно понять, каким образом никто не заметил, как он вошел в дом своей невесты. Следовательно искал хоть единого свидетеля, который бы видел его, и делал это с той же настойчивостью, что и я, однако найти такого человека не удалось. На странице 382 дела красными чернилами на полях была записана еще одна сентенция: «Рок делает нас невидимыми». Как это все получилось, если Сантьяго Насар вошел к невесте через парадную дверь, на виду у всех и не предпринимая никаких мер, чтобы его не заметили?! В платье с узором из пресловутых подсвечников, которое она обычно надевала по торжественным случаям, зеленая от злости, Флора Мигель ждала его в гостиной, где и вручила ему сундучок.

— Получай! — сказала она ему. — И хоть бы тебя убили!

Сантьяго Насар так растерялся, что ящик упал, и письма, не содержавшие любви, рассыпались по полу. Он пытался догнать Флору Мигель в спальне, но она захлопнула дверь и набросила крючок. Он постучал несколько раз и стал звать ее таким взволнованным для столь раннего часа голосом, что сбежалось почти все семейство. Их было более четырнадцати — кровных и некровных — родственников. Последним вышел отец — Наир Мигель, с крашеной рыжей бородой и в бедуинской галабее, в которой всегда ходил дома и которую привез с далекой родины. Я

видел его много раз, он был огромным и величественным, но более всего меня потрясла сила его авторитета.

— Флора! — он заговорил на своем языке. — Открой дверь!

Он вошел в комнату дочери, а все остальные члены семьи во все глаза рассматривали Сантьяго Насара. Он стоял на коленях, собирая письма и складывая их в сундучок. «Казалось, он кается», — сказали мне. Через несколько минут Наир Мигель вышел из спальни, сделал жест рукой, и все исчезли.

Затем он обратился на арабском языке к Сантьяго Насару. «С первого же момента я отметил, что он совершенно не понимает, о чем я ему толкую», — сказал мне Наир Мигель. Он спросил Сантьяго Насара, известно ли ему, что братья Викарио ищут его, чтобы убить. «Он так побледнел и настолько потерял над собой контроль, что невозможно было подумать, что он притворяется», — сказал мне Наир Мигель. Он тоже считал, что поведение Сантьяго Насара было отмечено не столько страхом, сколько растерянностью.

— Ты сам знаешь, правы братья или нет, — сказал он ему. — В любом случае у тебя лишь два выхода: либо ты прячешься здесь, в доме, который и есть твой дом, либо ты выйдешь с моей винтовкой.

— Ни черта не понимаю, — пробормотал Сантьяго Насар.

Это были единственные слова, которые он смог произнести, и произнес он их по-испански. «Он выглядел мокрым птенчиком», — сказал мне Наир Мигель. Ему пришлось взять из рук Сантьяго Насара сундучок, потому что он не знал, куда его девать, чтобы открыть дверь.

— Их будет двое против одного, — сказал Наир Мигель.

Сантьяго Насар вышел. Народ уже расположился на площади, как в дни парадов. Все видели, что Сантьяго Насар вышел, и все поняли, что он уже знал, что его собираются убить, и выглядел он таким затравленным, что даже не находил дороги к собственному дому. Говорят, кто-то крикнул с балкона: «Не туда, турок, иди через старый порт!» Сантьяго Насар искал, откуда шел голос. Джамиль Шайюм прокричал ему, чтобы он спрятался в его лавке, а сам побежал за своим охотничьим ружьем, однако никак не мог вспомнить, куда он спрятал патроны. Ему кричали со всех сторон, и Сантьяго Насар крутился то вправо, то влево, оглушенный многими голосами. Наконец он направился к своему дому, чтобы пройти через кухонную дверь, но вдруг вспомнил, что парадный вход открыт.

— Вот он идет, — сказал Педро Викарио.

Оба увидели Сантьяго Насара одновременно. Пабло Викарио снял пиджак, положил его на табурет и развернул нож, имевший форму

короткого и кривого меча. Прежде чем выйти из лавки, братья, не сговариваясь, перекрестились. Тогда Клотильде Армента схватила Педро Викарио за рубашку и закричала Сантьяго Насару, чтобы тот бежал быстрее, ибо его собираются убить. Крик был настолько пронзительным, что заглушил все остальные. «Вначале он испугался, — сказала мне Клотильде Армента, — потому что не знал, кто ему кричит и откуда». Сантьяго Насар увидел ее и одновременно увидел Педро Викарио, сбившего женщину ударом, увидел и другого брата. Он находился менее чем в 50 метрах от дома и побежал к своему парадному входу.

За пять минут до этого Виктория Гусман рассказывала в кухне Пласиде Линеро то, о чем уже знали все. Пласида Линеро была женщиной с крепкими нервами и ничем не выдавала своего волнения. Она спросила Викторию Гусман, не говорила ли она об этом ее сыну, и последняя солгала, сказав, что, когда он спустился пить кофе, она еще ничего не знала. Дивина Флор, продолжавшая мыть полы в гостиной, сказала, что видела, как Сантьяго Насар вошел с площади и поднялся в спальню по винтовой лестнице. «Это было мелькнувшим видением, — рассказывала мне Дивина Флор. — Он был одет в белое и держал что-то в руке, я не смогла разглядеть, что это было, но мне показалось, что он держал букет роз». Поэтому, когда Пласида Линеро спросила о сыне, Дивина Флор ее успокоила.

— Минуту назад он поднялся в свою комнату, — сказала она матери.

В этот момент Пласида Линеро увидела на полу конверт, но не подумала поднять его и узнала о содержании послания лишь позднее, когда кто-то в общей суматохе несчастья показал ей бумагу. Через дверь она видела братьев Викарио, бежавших к ее дому с обнаженными ножами. Там, где она стояла, были видны только они, Пласида Линеро не видела сына, стремившегося к своей двери с другого угла площади. «Я подумала, что они хотят ворваться и убить его прямо в доме», — сказала она мне. Тогда она подбежала к двери и одним ударом захлопнула ее. Она уже задвигала засов, когда услышала крики Сантьяго Насара, услышала ужасающие удары в дверь, но женщина была уверена, что сын наверху и осыпает бранью братьев Викарио с балкона своей комнаты. Она поднялась, чтобы помочь ему в этом. Чтобы успеть вбежать в дом, Сантьяго Насару нужны были всего две секунды, но в этот миг дверь захлопнулась. Он успел еще несколько раз стукнуть в нее кулаком и тут же повернулся, чтобы встретить врагов лицом. «Увидев его перед собой, я испугался, — говорил мне Пабло Викарио, — он показался мне в два раза выше, чем был на самом деле». Сантьяго Насар поднял руку, чтобы предупредить первый удар Педро

Викарио, который напал на него справа, выставив нож прямо перед собой.

— Сволочи! — прокричал Сантьяго Насар.

Нож прорезал ему ладонь правой руки и на всю длину вошел в бок. Все услышали вопль боли:

— А-а-а, мама!

Железной рукой забойщика скота Педро Викарио вырвал нож и нанес второй удар почти в то же место. «Самое удивительное, что нож вышел из тела чистым, — сказал Педро Викарио следователю. — Я нанес ему еще три удара — и ни капли крови». После третьего удара Сантьяго Насар, обхватив руками живот и издавая стон раненого теленка, изогнулся, пытаясь повернуться к братьям спиной. Пабло Викарио, державший кривой нож, находился слева от него, в этот момент он и нанес ему единственный удар в спину; сильная струя крови окрасила рубаху. «Она пахла, как он сам», — сказал мне Пабло Викарио. Трижды смертельно раненный, Сантьяго Насар повернулся вновь лицом к братьям и прижался спиной к материнской двери, не оказывая ни малейшего сопротивления, будто желая помочь Викарио, чтобы они на равных добивали его. «Он больше не кричал, — сказал Педро Викарио следователю. — Наоборот, мне показалось, что он смеется». Оба продолжали наносить поочередно быстрые удары, прижав Сантьяго Насара к двери и впад в оглушающее забытие, которое они встретили по ту сторону страха, и не слышали криков всего селения, потрясенного их преступлением. «Я чувствовал себя как человек, мчащийся на лошади», — заявил Пабло Викарио. Но вдруг оба очнулись, ибо выбились из сил, им казалось, что Сантьяго Насар никогда не упадет. «Дерьмо, братец! — сказал мне Пабло Викарио. — Ты даже представить себе не можешь, как трудно убить человека!» Наконец, пытаясь окончательно добить Сантьяго Насара, Педро Викарио нацелился ему в сердце, но он искал его почти под мышкой, там, где оно расположено у свиней. А Сантьяго Насар не падал потому, что братья поддерживали его, ударами своих ножей прижимая к двери. В отчаянии Пабло Викарио нанес страшнейший удар в живот, и кишки с громким треском вырвались наружу. Педро Викарио собирался сделать то же самое, но рука его дрогнула от ужаса, и он лишь мимоходом полоснул по бедру. Сантьяго Насар еще мгновение стоял, прислонившись к двери, потом увидел в свете солнца свои собственные внутренности — чистые и голубые — и упал на колени.

Громко зовя сына, Пласида Линеро обошла спальни и тут услышала другие крики — но не его, — она выглянула в окно, выходящее на площадь, и увидела, что братья Викарио бегут к церкви, преследуемые по пятам Джамилем Шайюмом с винтовкой для охоты на ягуаров и группой

невооруженных арабов. Она решила, что опасность миновала. Затем она вышла на балкон спальни и увидела перед входом дома сына. Сантьяго Насар лежал лицом вниз, в пыли и пытался подняться из лужи собственной крови. Наконец он встал и, согнувшись, в полном шоке, поддерживая руками выпадающие внутренности, пошел. Он прошел более ста метров, чтобы полностью обойти дом и войти через кухонную дверь. У него еще хватило сознания идти не по улице — более длинной дорогой, а пройти через соседний дом. Пончо Ланао, его супруга и пятеро детей понятия не имели о том, что творилось в двадцати шагах от их ворот. «Мы слышали крики, — сказала его жена, — но думали, что это празднуют приезд епископа». Они только начали завтракать, когда увидели Сантьяго Насара, залитого кровью и с гроздьёю собственных кишок в руках. Пончо Ланао сказал мне: «Я никогда не мог забыть ужасающей вони дерьма». Архенида Ланао, их старшая дочь, рассказала, что Сантьяго Насар шел твердо, как обычно, четко чеканя шаг, и его лицо сарацина, обрамленное спутанными кудрями, было прекрасно как никогда. Проходя мимо стола, он улыбнулся им и проследовал через комнаты до заднего выхода из дома. «Мы окаменели от страха», — сказала мне Архенида Ланао. Моя тетка Венефрида Маркес как раз чистила рыбу во дворе своего дома, расположенного на берегу реки. Тетка увидела, как Сантьяго Насар спускается по ступеням старого причала, направляясь к своему дому.

— Сантьяго, сынок! — закричала она ему. — Что с тобой?

Сантьяго Насар узнал ее.

— Меня убили, тетя Вене, — ответил он.

Он споткнулся на последней ступеньке, но тут же выпрямился. «Даже заботливо стряхнул землю, прилипшую к внутренностям», — сказала мне тетюшка Вене. Потом он вошел в свой дом через заднюю дверь, открытую с шести утра, и рухнул ничком.

СНОСКИ

Жил Висенти (ок. 1470 — ок. 1536 гг.) — выдающийся португальский драматург и поэт-сатирик. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Народная португальская песенка.

Игра слов: от *исп.* angel (ангел) и *лат.* vicarius (заменяющий, помощник).

Диалект жителей острова Курасао, представляющий смесь португальского, испанского, голландского языков и местных наречий.

Главный город департамента Боливар на севере Колумбии, крупный порт.

Спиртной напиток из сока сахарного тростника.

Меренге и кумбия — народные колумбийские танцы.

Пульгада — старинная испанская мера длины, соответствует 23 мм.

9

Столица и крупнейший порт республики Суринам.

В Колумбии всех лиц арабского происхождения в народе называют «турками».

Френсис Дрейк (ок. 1545–1595 гг.) — английский мореплаватель и пират. Совершил несколько плаваний к берегам нынешней Латинской Америки, занимаясь работоторговлей и пиратскими набегами на испанские корабли и владения.